Badrul Mepulys

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ том і

Скромный гений, или Путешествие за свою спину

Девушка у обрыва

NT Publishing

Вадим Шефнер ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

TOM I

Скромный гений, или Путешествие за свою спину

Девушка у обрыва

NT Publishing 2015

Шефнер В. С.

Скромный гений, или Путешествие за свою спину. Девушка у обрыва (Избранные сочинения, т. I). – Б.м.: NT Publishing, 150 стр., илл.

Первый том электронного собрания избранных сочинений Вадима Сергеевича Шефнера (1915-2002) включает в себя воспроизводимые по текстам первых публикаций два первых фантастических произведения автора — рассказ «Скромный гений, или Путешествие за свою спину» и повесть «Девушка у обрыва».

Выпуск настоящего издания осуществлён исключительно в просветительских целях и не несёт никакой коммерческой выгоды. Исключительные авторские права на тексты произведений и иллюстрации к ним принадлежат авторам и их наследникам.

[©] Шефнер В. С., наследники – тексты рассказа и повести, 1963, 1964

[©] Чижиков В. А. – илл., «Скромный гений», 1963

[©] Щеглов Е. Б., наследники – илл., «Девушка у обрыва», 1964

[©] NT Publishing – составление, оформление, издание, 2015

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Данным изданием, выпускаемым в год 100-летия со дня рождения Вадима Сергеевича Шефнера (1915-2002), независимое издательство NT Publishing открывает электронное собрание избранных сочинений замечательнейшего ленинградского поэта и писателя, в котором будут представлены как известные (но – в малоизвестных вариантах), так и неизвестные, публиковавшиеся единожды или вовсе непубликовавшиеся произведения замечательного российского писателя и поэта.

Рассказ «Скромный гений, или Путешествие за свою спину» является первым фантастическим рассказом Вадима Шефнера. Впервые он был опубликован в 1963-м году в 41-м номере газеты «Неделя» — еженедельном литературном приложении к газете «Известия». Это — самая первая публикация самого первого фантастического рассказа Вадима Сергеевича. От всех последующих её отличают несколько моментов: немного сокращённый текст, отсутствие нумерации глав, никогда более не публиковавшаяся вторая часть названия (абсолютно во всех дальнейших публикациях рассказ печатался под названием «Скромный гений») и иллюстрации Виктора Чижикова.

Повесть «Девушка у обрыва» была впервые опубликована в семи номерах еженедельной газеты «Литературная Россия» — в №№ 39-44 и 46 за 1964-й год. Текст повести значительно сокращён по сравнению с последующими изданиями, к тому же первая публикация не имела появившегося позже (начиная с первой книжной публикации) второго названия — «Записки Ковригина». Но не только сокращениями отличалась первая публикация «Девушки у обрыва»: в ней присутствует небольшой эпизод, в последующие издания не попавший. Внимательного читателя ждёт небольшой сюрприз. А ещё — иллюстрации Евгения Щеглова, известного карикатуриста журнала «Крокодил».

Тексты рассказа и повести публикуются по упомянутым выше газетным публикациям. Интересно, что первые фантастические произведения Вадима Шефнера, всю жизнь прожившего и творившего в городе на Неве, были напечатаны в московских изданиях.

В заключение составителю книги хотелось бы выразить глубочайшую благодарность Александру Осколкову (г. Санкт-Петербург) – человеку, весьма неравнодушному к творчеству Вадима Шефнера, и оказавшему огромную помощь в подготовке данного издания.

N. T.

Предисловие к 338-му юбилейному изданию

Семьдесят пять лет тому назад, в 2231 году, впервые вышла из печати эта небольшая книжка. С тех пор она выдержала 337 изданий. По выходе в свет она была переведена на все языки мира и ныне известна всем жителям нашей Объединённой Планеты, а также и нашим землякам, живущим на Марсе и Венере. За 75 лет о «Девушке у обрыва» написано столько статей, исследований и диссертаций, что одно их перечисление занимает девять больших томов.

Выпуская в свет это юбилейное издание, мы хотим вкратце напомнить читателям историю возникновения «Девушки у обрыва» и пояснить, почему каждое новое поколение читает эту книгу с неослабевающим интересом.

Надо сказать, что причина нестареющей популярности «Девушки у обрыва» кроется отнюдь не в художественных достоинствах этой книги. Не ищите здесь и обобщающих мыслей, широких картин эпохи. Всё, что выходит за ограниченный круг его темы, автора просто не интересует. Да он и не справился бы с таким самозаданием, ведь по профессии он не был Писателем. Автор «Девушки у обрыва» Матвей Ковригин (2102-2231), работая над этой книгой, отнюдь не претендовал на ли-

тературную славу. Будучи по образованию Историком литературы и изучая XX век, он ждал славы или хотя бы известности от своих историко-литературных компиляционных трудов, которых он издал довольно много и которые не пользовались популярностью уже при жизни автора, а ныне совершенно забыты. А эта небольшая книжка, вышедшая после смерти автора, принесла ему посмертную славу, и слава эта не меркнет с годами. Ибо в этой книжке Ковригин рассказывает об Андрее Светочеве, а каждое слово об этом величайшем Учёном дорого человечеству.

Ещё раз напоминаем: записки Ковригина — повествование узконаправленное. Автора очень мало занимает бытовой и научный фон. О технике своего времени он упоминает только в тех случаях, когда сталкивается с нею лично или когда от неё зависит судьба его друзей. О космосе, о полётах человека в пространство он даже и не упоминает, словно живёт в эпоху геоцентризма. И даже великий научный смысл открытия своего друга Андрея Светочева он понял только к концу своей жизни, да и то чисто утилитарно.

Узкая направленность автора сказывается и в том, что Андрея Светочева он изображает вне его окружения, только со своих личных позиций. Если верить Ковригину, то получается, что Светочев всё делал один, а ведь на самом-то деле он был окружён единомышленниками, многие из которых (Иванников, Лемер, Караджаран, Келау) были крупнейшими учёными своего века.

Стиль книги архаичен, несовременен. Будучи специалистом по литературе XX века, автор, не найдя своей творческой манеры, подражает писателям XX века, причём писателям отнюдь не перворазрядным. К этому недостатку надо добавить и ещё один. Даже повествуя о своих юных годах, Ковригин говорит о себе как о уже пожившем, солидном, многоопытном человеке. Но не надо забывать, что книгу свою Ковригин создал на закате жизни.

К автору «Девушки у обрыва» Матвею Ковригину разные исследователи относятся по-разному. Одним он нравится, другим он антипатичен. Ковригин — фигура противоречивая. Наряду с искренностью, добротой, безусловной личной смелостью и готовностью всегда прийти на помощь в нём уживаются мелкий педантизм, брюзжание, отсутствие самокритики, граничащее с самовлюблённостью.

«Рассказ посредственности о гении», «Моцарт и Сальери XXII века» — так характеризуют некоторые критики эту книгу, забывая, что именно Ковригину мы обязаны наиболее полным описанием жизни Андрея Светочева. Надо помнить, что Ковригин был другом величайшего гения технической мысли и, как умел, рассказал нам о нём. Будем же благодарны ему за это.

Так как многие понятия, наименования, агрегаты, приборы и механизмы, о которых упоминает автор, давно устарели, забыты, заменены другими и молодое поколение уже не знает о них, мы взяли на себя смелость снабдить текст сносками, поясняющими историческое значение этих понятий и предметов.

С ИСКРЕННИМ УВАЖЕНИЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАВПЛАНЕТИЗДАТ»

2306 ГОД

1. Вступление

«...Девушка стояла у обрыва на берегу реки. Это было осенью, когда идут затяжные дожди, когда размокает береговая глина и на ней так чётко отпечатываются следы. Девушка стояла у обрыва и задумчиво смотрела на осеннюю реку, по которой плыли жёлтые листья.

Мимо проходил юноша, и увидел он девушку, стоящую у обрыва, и полюбил её с первого взгляда. И она тоже по-

любила его с первого взгляда, ибо так полагается в сказ-ках.

Этот юноша жил у реки, и, когда девушка вызвала аэролёт и улетела в большой город, обещав вернуться весной, юноша остался один в избушке на берегу реки и стал ждать её возвращения. Зачем он жил один на берегу реки и кем он был – не спрашивайте, ибо это сказка.

Каждый день приходил юноша на обрыв, где когда-то стояла девушка. Он протоптал в глине узкую тропинку рядом с её следами. Он не наступал на её следы, и каждый раз ему казалось, что девушка невидимо идёт рядом с ним к обрыву, и рядом с ним стоит, и смотрит на осеннюю реку, по которой плывут жёлтые листья.

Потом пошли большие дожди, и следы от туфелек девушки наполнились водой, и в них отражалось небо поздней осени. Потом ударил мороз, и следы стали льдом.

И однажды юноша вынул один след и принёс его в свою избушку. Он положил его на стол, а когда проснулся утром, то увидел, что след растаял и от него ничего не осталось. И юноша очень удивился и огорчился этому. Не удивляйтесь, что он удивился тому, что лёд тает, — в сказках люди изумляются самым обычным вещам.

Огорчился юноша и подумал: «Следы моей возлюбленной достойны вечности. Но лёд не вечен. Не вечен и металл, ибо он ржавеет; не вечно и стекло, ибо оно бьётся; не вечен и камень, ибо он выветривается и трескается от жары и холода. Я должен создать такой материал, который отливался бы в любую форму и не боялся бы ни огня, ни холода, ни времени».

И пришёл день, когда он создал вещество, которое заменило нам камень и металл, стекло и пластмассу, дерево и бетон, бумагу и лён. Он создал Единый Материал, который называется аквалидом. Из этого материала люди стали строить города на земле и под водой, делать все машины и все вещи. И это уже не сказка, ибо мы живём в этом мире.

Вот куда привели следы девушки, которая однажды стояла у обрыва в осенний день, когда по реке плыли жёлтые листья.

Но однажды девушка, которую ждал юноша...» и т. д. и т. п.

Вы и сами, дорогой мой читатель, с детских лет знаете эту сентиментальную историю, ведь её даже в школе проходят. Сочинённая досужим Поэтом и посвящённая Андрею Светочеву и Нине Астаховой, эта полулегендаполусказка почему-то считается весьма поэтичной и трогательной, и, быть может, некоторые не в меру наивные люди склонны думать, что именно таким путём и пришли мы к современной аквалидной цивилизации.

Действительно, девушка на берегу стояла. А всё остальное было не так, не так.

– А как же всё было? – спросите вы, почтенный мой читатель.

Сейчас я начну своё повествование.

Я прожил свой МИДЖ¹ с избытком, жизнь моя клонится к закату, и недалёк тот день, когда мой пепел лёгким облаком упадёт с Белой Башни на цветы, растущие у её подножия. Но я ещё успею поведать вам правдивую историю о Нине Астаховой, об Андрее Светочеве, другом которого я был, и о себе, ибо когда-то моя жизнь была тесно связана с жизнью этих двух людей.

2. Случай на Ленинградском почтамте

Я начну с давних-давних времён. Рассказ мой начинается в тот день, когда окончательно отменили деньги. В книгах вы все читали об этом дне, а я помню его лично и

¹ МИДЖ (Минимум Индивидуальной Длительности Жизни) — норма долголетия, гарантированная каждому жителю планеты медициной и Обществом. В описываемую автором эпоху МИДЖ равнялся 110 годам, но фактически средняя продолжительность жизни уже и тогда была значительно выше.

знаю, что в книгах он сильно приукрашен. В сущности, ничего особенного в этот день не произошло. Дело в том, что процесс отмирания денег шёл уже давно, ещё с конца минувшего тысячелетия. Деньги не погибли внезапно — они тихо скончались. Последнее время они имели скорее статистическое, нежели ценностное значение. Если вам не хватало денежных знаков на покупку какой-либо нужной вам вещи, вы просто вырывали из своей записной книжки листок и писали на нём: «15 коп.», или «3 рубля», или «20 рублей», и платили им продавщице или ПАВЛИНу¹. Или вы могли попросить деньги у любого прохожего, и он давал вам требуемую сумму и, не спрашивая вашего имени, шёл своей дорогой.

В день отмены денег у нас в Университете состоялось собрание в актовом зале, а затем все разошлись по своим делам и аудиториям. Помню, шагая с собрания к зданию филологического факультета, я шёл рядом с Ниной Астаховой, и разговор у нас был вовсе не об отменённых деньгах, а об «Антологии Забытых Поэтов XX века», над которой я тогда работал. Нина (она училась на втором курсе) была прикреплена ко мне, Аспиранту, в качестве Технического Помощника и помогала мне в составлении этой Антологии. Она была добросовестна, много времени проводила в библиотеках и архивах, выискивая стихи и данные о забытых ныне Поэтах XX века, но мне не слишком нравились в ней некоторая строптивость и излишняя самостоятельность. Мне не нравились некоторые нотки грусти и размышления в подбираемых Ниной стихах. Я предпочитал поэтов с бодрыми, звонкими стихами, где всё было просто и ясно. Я считал, что именно такие Поэты должны войти в мою Антологию. Нина же продолжала отстаивать «своих» Поэтов. При этом она горячилась, даже серди-

 $^{^1}$ ПАВЛИН (Продавец-Автомат Вежливый, Легкоподвижный, Интеллектуальный, Надёжный) — старинный агрегат, давно снят с производства.

лась. Она никак не могла понять, что я составляю научный труд, а наука требует бесстрастия.

Вообще же Нина мне нравилась. Часто мы вместе ходили с ней под парусами на яхте — она очень любила море. Мне нравилось быть с нею вместе, но меня несколько отпугивал её странный характер. Порой она была смешлива и даже насмешлива, а то вдруг становилась молчаливой и задумчивой. Иногда её лицо принимало такое выражение, будто она ждёт, что вот-вот произойдёт что-то необыкновенное, какое-то чудо.

- Нина, о чём ты думаешь сейчас? спросил я её однажды в такую минуту, когда мы шли по загородной аллее.
- Так... Сама не знаю, о чём... Знаешь, мне иногда кажется, что в моей жизни случится что-то очень-очень хорошее. Что будет какая-то радость.
- Ты, очевидно, имеешь в виду тот факт, что скоро я закончу Антологию и, когда она выйдет из печати, твоё имя будет упомянуто в предисловии как имя моей Помощницы? сказал я. Это действительно большая радость. И заслуженная.
- Ах, ты совсем не о том говоришь, досадливо возразила она. Я и сама-то не знаю, какого счастья я жду.

Меня несколько удивили эти её слова и даже огорчили. Как можно ждать счастья, не зная, какого именно счастья ждёшь? Где тут логика?

– Тебе нужно развивать в себе научное мышление, – посоветовал я ей. – Ты не прожила ещё и четверти МИД-Жа, впереди тебя ждёт большая жизнь – научная и личная. Когда-нибудь ты выйдешь замуж, муж твой, быть может, будет Учёным, и твой уровень мышления должен быть не ниже его уровня.

Но Нина сделала вид, будто не поняла моих слов. Ничего она мне не ответила, а подпрыгнула и сорвала со свешивающейся ветки листок и стала сквозь него смотреть на солнце.

Сегодня зелёное солнце! – объявила она мне. – Вот забавно!

Я не стал убеждать её, что солнце сегодня, как и всегда, самое обыкновенное, а вовсе не зелёное. Я просто терялся, когда она говорила такие странные вещи.

Тем не менее Нина мне нравилась. Но только не думайте, что она была такой красавицей, какой её изображают теперь художники и скульпторы. Нет, красавицей я бы её не назвал. Это была стройная девушка с очень лёгкой походкой, с лицом выразительным и даже привлекательным, но вовсе не было в ней той красоты, которую приписывают ей сейчас.

Но вернусь ко дню отмены денег.

Как я уже говорил, после собрания в актовом зале мы с Ниной отправились на филфак. Нина пошла на лекцию, я же засел в библиотеке и долго работал над своей Антологией, а затем направился в университетскую столовую. Отобедав, я по привычке подозвал САТИРа¹, чтобы расплатиться.

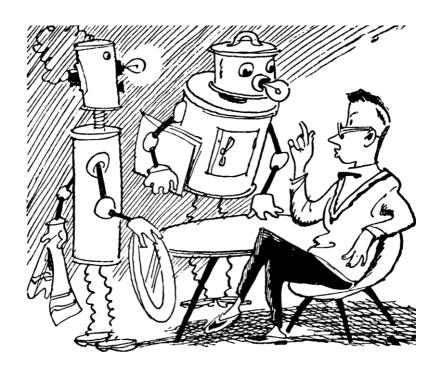
- Обед бесплатен. Обед бесплатен, равнодушно сказал САТИР.
- Не «обед бесплатен» надо говорить, а «обед отпускается бесплатно», поправил я САТИРа. Идите и вызовите ко мне САВАОФа².

Вскоре к моему столику подошёл громоздкий САВАОФ. Я сказал ему, чтобы он исправил фонозапись в подчинённых ему САТИРах — они выражаются не вполне грамотно. Стыдно, ведь здесь Университет, центр культуры.

- Встревожен. Взволнован. Приму меры, ответил САВАОФ. Есть ещё замечания?
 - Нет. Можете идти.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) – примитивный агрегат начала XXII в. Нечто вроде древнего официанта.

 $^{^2}$ САВАОФ (Столовый Агрегат, Выполняющий Арбитражные, Организационные Функции) — агрегат XXII в. Выполнял ту же работу, что в старину — завстоловой.

Пообедав, я вышел на набережную и пошёл по направлению к Первой линии. На набережной всё было почти так, как в обычные дни, только на судах виднелись флаги расцвечивания да у гранитного спуска толпилось множество мальчишек и девчонок. Они останавливали всех прохожих и просили у них денег. Получив просимое, дети бежали по ступенькам к воде и бросали монетки в воду. А из бумажных купюр они делали маленькие лодочки и пускали их по волнам. В школах занятия в этот день были отменены, что, на мой взгляд, едва ли способствовало укреплению дисциплины.

Когда я свернул на Первую линию, то увидел Чепьювина¹. Приплясывая и что-то невнятно напевая, он шёл по пластмассовым плиткам мостовой, мешая движению эл-

¹ Чепьювин (Человек, Пьющий Вино) – медицинский и отчасти бытовой термин XXI-XXII вв. В прямом смысле – пьяница, алкоголик. Под Чепьювинами не подразумевались люди, умеренно пьющие виноградные вина; как известно, такие вина пьют и поныне.

мобилей, которые почтительно его объезжали. Люди с интересом и удивлением, а некоторые и с явным испугом глядели на него. Я и сам остановился поглядеть на редчайшее зрелище – в последний раз я видел одного Чепьювина в детстве, когда мне было лет девять.

Я постоял немного, надеясь, что мне удастся записать какое-либо новое для меня бранное выражение. Но Чепьювин только напевал – и всё. Я пошёл дальше, несколько огорчённый тем, что мне не удалось пополнить составляемый мной СОСУД. Дело в том, что я с двенадцати лет начал составлять словарь, который назвал СОСУДом (Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними). Мой СОСУД состоял из четырёх разделов: 1) Ругательства, 2) Воровские термины, 3) Охотничьи термины, 4) Военные термины. Если второй, третий и четвёртый разделы СОСУДа я мог пополнять за счёт старинных книг и архивов, то первый раздел пополнялся очень скудно, так как ругань на Земле давно вышла из обихода. Приходилось собирать этот раздел по крупицам.

На углу Большого проспекта и Шестой линии я встретил своего друга Андрея Светочева. Да, да, того самого Светочева, имя которого ныне известно каждому человеку на Земле. Но тогда он был ещё ничем не знаменит.

Андрея я знал с детских лет – мы жили с ним в одном доме и учились в одной школе. Потом учебные пути наши разошлись – Андрей всегда интересовался техникой и после школы был принят в Академию Высших Научных Знаний и стал жить при Академии, я же поступил на филологический факультет Университета. Однако мы остались друзьями. Со школьных лет в нас сохранилась страсть к коллекционированию марок, и это тоже сближало нас. Встречаясь, мы хвастались своими коллекциями и толковали о жизни вообще, о своих планах и надеждах.

Последние месяцы Андрей был мрачен, молчалив. Однажды он признался мне, что задумал одно очень важное открытие, но дело не клеится. Он мечется от одного опыта к другому – и всё без толку.

Я тогда посочувствовал ему и дружески посоветовал взять какую-нибудь менее сложную работу. Ведь недостижимое недостижимое и невозможное невозможно. Надо намечать ближние цели и шагать от вехи к вехе.

Но Андрей указал на картину, которая висела над его рабочим столом. Там был изображён Геракл, догоняющий керинейскую лань. Геракл бежал за ланью по снежным горным вершинам.

- Видишь, как он бежит? сказал Андрей. Он бежит по самым высоким вершинам, а тех вершин и скал, что пониже, он не касается ногой, он перепрыгивает через них. Поэтому он и догнал лань.
- Он мог и не нагнать её, резонно возразил я. Он мог упасть и разбиться. И потом Геракл это Геракл, а ты простой смертный.
- Ну, это уж другое дело, сухо ответил Андрей и перевёл разговор на марки.

В тот день я ушёл от него с ощущением, что он избрал какой-то ложный путь в науке и не хочет сойти с него из-за упрямства. Мне давно казалось, что он топчется на месте, в то время как я шаг за шагом неуклонно иду вперёд. Моя Антология и комментарии к ней были не далеки от завершения. Кроме того, я неустанно работал над своим СО-СУДом. Как я уже упоминал, это был весьма кропотливый труд. Дело осложнялось и тем, что свою Помощницу Нину Астахову, щадя её девическую стыдливость, к этой работе привлечь я не мог.

Но вернусь к описываемому мною дню. Итак, я встретил Андрея на углу Большого проспекта и Шестой линии. Андрей опять был мрачен.

- Куда ты спешишь, Андрей? спросил я его.
- На Почтамт, хмуро ответил он. Прежде мне хоть в марках везло, а теперь и марки отменили.
- Отменили? удивился я. Как же так? А наши коллекции?
- Ты плохо слушал сообщение об отмене денег. Там сказано: отменяются деньги, а также всякие знаки оплаты.

- Действительно, догадался я. Раз нет денег, то и марки отпадают... А как же быть филателистам?
 - Никак! буркнул Андрей. Едем к Почтамту.

Движением руки он подозвал проходящее мимо такси-элмобиль, и мы сели в него.

- Везите нас к Почтамту, сказал я АВТОРу¹.
- Понял. К Почтамту. Везти с разговором? произнёс АВТОР, склонив над приборами металлическую голову с тремя глазами.
 - Везите с разговором, сказал я.
- До вас вёз к Почтамту старика, возраст приблизительно МИДЖ и сорок лет. Старик имел огорчённый вид. Старик был очень сердит.
 - Он не ругался? с надеждой спросил я.
- Нет, он не делал того, о чём вы упомянули. Но у него был огорчённый вид.
- И не надоела тебе эта болтовня! сердито сказал Андрей. Не пойму что за удовольствие разговаривать с механизмами!

Мы замолчали.

На площади перед Почтамтом толпилось много народу. Здесь были и школьники, и люди среднего возраста, и совсем пожилые. Некоторые пришли с альбомами для марок и «Справочниками филателиста». Все смотрели на гигантский телеэкран, который был вделан в стену Почтамта.

Мы увидели Москву. Площадь перед Московским почтамтом была полна филателистами. Потом на экране появился Почтамт в Буэнос-Айресе. Там была уже ночь, и толпа филателистов стояла с факелами. Некоторые держали в руках какие-то дудки и дудели в них. Потом возник Почтамт в Риме. Здесь тысячи филателистов сидели на пластмассовой мостовой, не давая двигаться транспорту.

¹ АВТОР (Автоматический Водитель Транспорта, Обладающий Речью) – старинный агрегат конца XXI – начала XXII в. Давно заменён более совершенными устройствами.

Затем Рим померк, и на экран наплыл какой-то маленький городок — где-то в Чернозёмной полосе. Перед зданием почты стояли школьники и взрослые, держа в руках плакаты с надписью: «Почтовики! Людям нужны марки!»

Затем экран погас, и Диктор сказал:

- В Женеве непрерывно заседает Всемирный Почтовый Совет. Вопрос о марках будет решён в ближайший час. Включаем Женеву.
- Идём в зал, сказал мне Андрей и стал пробираться к подъезду Почтамта.

Я пошёл за ним, вслушиваясь в разговоры людей и надеясь услышать какое-нибудь словечко, дабы пополнить свой СОСУД. Но, к сожалению, никто не ругался, хоть все и были возбуждены.

Мы подошли к окнам, где ещё вчера продавались марки. Теперь здесь висел аншлаг: «В связи с отменой денег марки отменены».

Девушка-Почтовичка терпеливо объясняла какому-то старичку МИДЖей двух, что раз деньги отменены, то его письмо дойдёт по адресу без всякой марки. В ушах девушки покачивались серьги. Они были очень простые — два металлических шарика на тонких цепочках, — но всё-таки сразу бросались в глаза: в наше время эти ушные украшения давно вышли из моды. Впрочем, девушка была хороша собой, и серьги ей шли.

- Собирание марок это историческая традиция, сказал Андрей, подойдя к окошечку. И не вам, почтовикам, её отменять.
- Марки отменены не почтовиками, а временем, скромно возразила девушка с серьгами. Собирание марок ненужный, отживший предрассудок.
- Раз есть люди, интересующиеся марками, значит марки должны существовать, – громко и сердито сказал Андрей.

- Как вы смешны со своими марками! вспыхнув, ответила девушка.
- А вы глупы со своими рассуждениями о марках и со своими допотопными серьгами! – воскликнул Андрей. – Вы просто сущая кикимора!

Девушка с испугом и обидой посмотрела на Андрея.

- Андрей! До чего ты дошёл! сказал я. Ты произнёс ругательство!
- Простите меня, обратился Андрей к девушке с серьгами. Никогда ещё со мной не бывало такого. Простите, что я вас обидел.
- Я прощаю вас, сказала девушка. Вы просто очень чем-то взволнованы... А что это такое – кикимора?
- Не знаю, ответил Андрей. Так говорил мой прадедушка моей прабабушке, когда был сердит.
- Под кикиморами в глубокой древности подразумевались некие лесные мифические существа, – сказал я.
- В дальнейшем же слово «кикимора», утеряв своё первоначальное значение, стало употребляться в фольк-

лоре как бранное слово, применяемое по отношению к сварливым и не обладающим внешней привлекательностью женщинам. Могу вас заверить, что на кикимору вы не похожи.

- Это очень интересно! сказала девушка. И откуда вы всё это знаете?
- Я знаю не только это, но и много больше этого, скромно ответил я. И далее я пояснил, что Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними, сокращённо именуемый СОСУДом, вмещает в себя очень много слов, понятий и идиоматических выражений. Далее я сказал, как меня зовут и кто я такой. Девушка слушала меня с интересом, а затем сказала несколько слов о себе. Её звали Надей. Впоследствии Надя стала моей женой, но сейчас речь не о том.

Когда мы с Андреем вышли из зала Почтамта, то на гигантском телеэкране увидели Диктора, который сообщил следующее:

- 1. Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакой пользы.
- 2. Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакого вреда.
- 3. Поскольку коллекционеры хотят, чтобы марки существовали, пусть они существуют, но не как знаки оплаты.
- 4. Впредь каждый человек получает право выпускать свои марки, для чего выделяются типографии и прочая техника.
- Вот видишь, сказал я Андрею, всё кончилось очень хорошо. И не следовало тебе обижать девушку и присваивать совсем не идущее к ней определение «сущая кикимора». Ты оскорбил человека. Тебе придётся искупить свою вину.

- Я и сам это знаю, ответил Андрей. Я вёл себя недостойно. И дело тут не в марках, а в том, что мне очень не везёт. Одно время мне казалось, что я близок к великому открытию, а теперь начинаю думать, что шёл по ложному пути...
- В наш век не может быть великих открытий, возразил я. В наш век возможны только усовершенствования.

Андрей промолчал в ответ. В нём было много непонятного для меня. А ведь я его знал с детства.

3. Детство

В самом раннем детстве я жил с родителями в доме на Одиннадцатой линии Васильевского острова. Отец преподавал литературу в школе, мать же работала модельершей на фабрике женских украшений. Там отливали кольца и всевозможные украшения из химически чистого железа (золото давно вышло из моды). Там же изготовлялись перстни и диадемы с марсианскими камешками. На этой фабрике мать моя подружилась с Анной Светочевой, матерью Андрея. Потом подружились и наши отцы, и мы съехались в одну квартиру в Гавани, в дом на самом взморье. В то время начался процесс так называемой вторичной коммунализации жилья. Дело в том, что когда-то многие люди вынуждены были жить в больших коммунальных квартирах. Так как в этих больших квартирах жили люди разных характеров, профессий и привычек, то порой возникали ссоры, недовольство друг другом. Меж тем темпы жилищного строительства всё нарастали, и вот настал год, когда все, кто хотел жить в отдельных квартирах, жили в них. Но прошло некоторое время – и отдельные люди и семьи, дружившие меж собой, стали съезжаться в общие квартиры, но уже на новой основе – на основе дружбы и расположения друг к другу.

Дом, куда мы въехали со Светочевыми, обменявшись с какой-то большой семьёй, был старинный, кирпичный. В

его дверях, выходивших на лестницу, были даже замки, и мне очень нравилась эта старина. Двери закрывались, конечно, просто так – ключи давно были сданы в утиль, – но само наличие этих странных приспособлений придавало квартире какую-то таинственность.

Жили наши семьи очень дружно. Отец Андрея Сергей Светочев был добродушный, весёлый человек. Он работал на бумажной фабрике и очень гордился своей профессией. «Всё течёт, всё меняется, а бумажное производство остаётся», — говаривал он. Мог ли он предполагать, что сын его сделает такое великое открытие, что даже и бумага будет не нужна!

Нас с Андреем поместили в одну большую комнату – детскую, и наши кровати стояли рядом. Квартира была невелика, но уютна – да кто из вас, уважаемые читатели, не побывал в ней! Ведь дом сохранён в неприкосновенности в память об Андрее Светочеве, и всё в квартире такое, как в старину. Только настил пола там меняют теперь дважды в год – его протирают ноги бесчисленных экскурсантов.

Итак, мы с Андреем жили в одном доме и ходили в один детский сад, а затем вместе пошли в школу. Мы были друзьями, всегда поверяли друг другу свои тайны и планы на будущее. В учёбе мы помогали друг другу: я неплохо шёл по родному языку, Андрей же был силён в математике. Однако никаких признаков гениальности у него в ту пору не было. Это был мальчишка как мальчишка.

Должен заметить, что были в характере Андрея черты, которые мне не очень нравились. Он иногда мог просидеть час-другой не шевелясь, уставясь в одну точку и о чём-то думая. На мои вопросы он отвечал в таких случаях невпопад, и это, естественно, обижало меня.

Ещё любил он бродить один по берегу залива. Осенью пляж был совсем безлюден, и, когда мы возвращались из школы, я прямиком шагал домой, а Андрей иногда зачемто сворачивал на этот пустынный пляж, где нет ничего интересного.

Однажды я, как часто бывало, вернулся домой без Андрея, а тут его мать послала меня за ним.

– Ведь сегодня день рождения Андрюши, – сказала она, – неужели он забыл об этом?

Я пришёл на берег. Было в тот день пасмурно, сыро. Шёл мелкий дождик. Вода была неподвижна, только иголочки дождя тихо втыкались в неё и исчезали. Андрей стоял у самой кромки залива.

- И охота тебе торчать на этом пляже, сказал я. –
 Ведь сейчас не лето. Иди домой, тебя мама зовёт. И о чём ты думаешь?
- Я думаю о воде, ответил Андрей. Вода очень странная, правда? Она ни на что на свете не похожа.
- Чего странного нашёл ты в воде? удивился я. Вода – это и есть вода.
- Нет, вода странная и непонятная, упрямо повторил Андрей. Она жидкая, но если по ней плашмя ударить палкой, то даже руке больно, такая она упругая. Вот если сделать воду совсем твёрдой...
- Настанет зима вода превратится в лёд и станет твёрдой, – прервал я Андрея.
 - Да я не о льде, с какой-то обидой сказал он.

Мы молча пошли домой.

Дома мать Андрея обняла его и подарила пакетик с марками, а моя мама подарила ему «Справочник филателиста».

- Ура! Никарагуа! Никарагуа! закричал мой товарищ, рассмотрев марки. Он запрыгал от радости и стал бегать по всем комнатам, выкрикивая:
 - Никарагуа! Никарагуа!

Когда он пробегал мимо дивана, я сделал ему подножку, и он упал на диван. Я тоже плюхнулся на диван, и мы стали бороться, а потом схватили по диванному валику и начали бить друг друга. Конечно, всё это делалось в шутку.

– Бей зверинщиков! – кричал я, замахиваясь нитролонным валиком на Андрея.

Бей портретников! – кричал он, опуская мне на голову валик.

Портретниками в нашем школьном филателистическом кружке называли тех, кто собирал марки с портретами. Я, например, подбирал марки с изображениями знаменитых людей. Андрей же принадлежал к зверинщикам – он собирал так называемые красивые марки; особенно он любил изображения экзотических зверей. Вкус у него был странный: ему нравились самые яркие, даже аляповатые марки, нравились пёстрые птицы и звери, изображённые на них. Коллекцией своей он очень дорожил, но если кто-нибудь из ребят просил у него даже самую яркую марку, он отдавал её.

С годами росла в нём некоторая тяга к отвлечённым рассуждениям. Рассуждения эти, признаться, нагоняли на меня скуку.

Так однажды, когда мы учились в четвёртом классе, у нас состоялась экскурсия в старинный Исаакиевский собор, вернее на его колоннаду. В этот день на плоскую крышу нашей школы сел средний аэролёт, и мы полетели к Исаакию. Остановившись в воздухе у верхней колоннады собора, аэролёт выдвинул наклонный трап, и весь наш класс во главе с учителем сошёл под колонны. С вершины собора нам видны были весь город, и Нева с её четырнадцатью мостами, и «Аврора», стоящая на вечном причале, и залив, и корабли на нём.

- Как красиво! сказал я Андрею. Правда?
- Очень красиво, согласился он. Только всё кругом из разного сделано. Из камня, из железа, из кирпича, из бетона, из пластмассы, из стекла... Всё из разного.
- Чего же ты хочешь? удивился я. Так и должно быть. Одно делают из одного, другое из другого. Так всегда было, так всегда и будет.
- Надо делать всё не из разного, а всё из одного, задумчиво сказал Андрей. – И дома, и корабли, и машины, и ракеты, и ботинки, и мебель, и всё, всё.
 - Не строй из себя умника! рассердился я.

После этой моей отповеди Андрей долго не разговаривал со мной на отвлечённые темы. Зато он стал таскать домой всевозможные научные книги, в которых речь шла главным образом о воде. Когда мы перешли в следующий класс, он стал почти все вечера проводить в Вольной лаборатории — такие лаборатории и сейчас имеются при каждой школе. Там было много машин и приборов, и он возился с ними, забывая даже о еде. Он даже некоторые уроки пропускал ради своих опытов, и, как ни странно, педагоги ему это прощали. Так, на физкультуру он ходил очень редко, а на уроки плавания в школьный бассейн ещё реже. Только подумать, он так и не выучился плавать!

Несмотря на некоторые странности своего характера, Андрей был хорошим товарищем. Иногда мы с ним спорили, но почти никогда не ссорились. Раз только он вспылил по пустякам и даже обидел меня. Когда мы в седьмом классе проходили теорию Эйнштейна, мне не всё было в ней понятно, и дома я прибег к помощи ЭРАЗМа¹. Сейчас этот агрегат не применяется, он признан непедагогичным, но в мои юные годы некоторые ученики прибегали к его помощи.

Я вложил книгу в отверстие агрегата, включил контакт, и ЭРАЗМ стал читать её вслух, пояснять её зрительно на экране и давать свои, упрощённые и доходчивые толкования.

И вдруг Андрей, который до этого тихо сидел за своим столом, ничего не делая и уставясь в одну точку, сказал сердитым голосом:

- Да выключи ты этот несчастный зубрильник! Неужели ты не понимаешь таких простых вещей?
- Андрей, ты груб! сказал я. Этот прибор называется ЭРАЗМ, никакой он не «зубрильник».
- И кто придумывает всем этим агрегатам такие названия! буркнул Андрей. Тоже мне «ЭРАЗМ»!

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ ЭРАЗМ – Электронный Растолковывательный Агрегат, Знающий Многое.

– Названия всем агрегатам придумывает Специальная Добровольная Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов, – ответил я. – Поэтому, оскорбляя агрегат, ты тем самым оскорбляешь Поэтов, которые дают названия механизмам. А поскольку я пользуюсь услугами ЭРАЗМа, ты оскорбляешь и меня.

Но эта размолвка не нарушила нашей дружбы. И когда нам исполнилось по шестнадцать лет и мы получили право пользоваться Усилительной Станцией Мыслепередач, мы с Андреем взяли общую волну и стали «двойниками» по мыслепередачам. Вскоре это пришлось очень кстати — моя помощь понадобилась Андрею.

Случилось это так. Ранней весной родители наши взяли отпуск и улетели на Мадагаскар, предварительно дав нам соответствующие наставления. Андрей стал до глубокой ночи пропадать в Вольной лаборатории. Он приходил туда один и проделывал опыты с водой. Как потом выяснилось, некоторые из этих опытов были небезопасны, и ДРАКОН² не раз делал Андрею замечания и даже выключал электропитание в лаборатории. За это Андрей невзлюбил ни в чём не повинного ДРАКОНа и даже дал ему нелепую кличку Дылдон.

Однажды Андрей задержался в лаборатории что-то очень уж надолго, но я не слишком беспокоился за него, так как был уверен, что ему ничто не угрожает.

Я начал уже засыпать, как вдруг услышал мыслесигнал Андрея.

– Что случилось? – спросил я.

¹ Передача мыслей в те годы могла осуществляться только между двумя абонентами по схеме А–Б, Б–А. Работа усилительных станций требовала чрезвычайно больших затрат энергии, поэтому прибегать к мыслепередачам рекомендовалось только в случае крайней необходимости и при отсутствии других средств связи.

² ДРАКОН (Движущийся Регламентационный Агрегат, Контролирующий Опыты Неопытных) – старинный агрегат, ныне заменённый более совершенными.

 Состояние опасности, – сообщил мой друг. – Иди в лабораторию. Всё.

Я тотчас оделся и выбежал на улицу. У ворот меня окликнул дежурный $BAKX^1$:

- Вы встревожены? Поручений нет?
- Благодарю вас, поручений нет, ответил я и побежал по самосветящейся пластмассовой мостовой.

Вот и школа. На площадке перед ней днём всегда высилась статуя Ники Самофракийской, причём голова её была восстановлена с помощью точнейших кибернетических расчётов, и вся статуя (точнее, её копия) выглядела такой, какой её сотворил скульптор. Она была отлита из нержавеющего металла и с помощью электромагнитов висела в воздухе над невысоким постаментом, как бы летя

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ ВАКХ (Всеисполняющий Агрегат Коммунального Хозяйства) – механизм XXI-XXII вв. Выполнял приблизительно ту же работу, что дворник в древности.

вперёд. На ночь статуя плавно опускалась на постамент. А утром, когда луч солнца касался включающего устройства, Ника подымалась в воздух, продолжая свой полёт.

В окнах лаборатории горел свет. Я вошёл. Среди множества приборов и машин я увидел Андрея. Он сидел на пластмассовой табуретке, и с руки его стекала кровь. Над ним, неуклюже наклонясь, стоял ДРАКОН и давал ему какие-то медицинские советы. Андрей был очень бледен. Я кинулся к аптечному шкафу, достал необходимые медикаменты и занялся оказанием помощи. Андрей был ранен в плечо. Я залил рану универсальным бальзамом, а затем вызвал по телефону врача.

- Что здесь произошло? спросил я Андрея.
- Небольшой просчёт, ответил он. Я думал, что будет совсем другой эффект. Понимаешь, мне нужно было узнать поведение воды при некоторых особых условиях. Я переохладил её под давлением и вбрызнул в раскалённую золотую трубу. Я думал, что перепад температур...
- А вы что смотрели? строго обратился я к ДРАКОНу.– Ведь вы должны прерывать опасные опыты!
- Опыт безопасен, бесстрастно ответил ДРАКОН. Опыт целесообразен, нужен, обязателен, полезен, безопасен.
- Как же он безопасен, если человека ранило! рассердился я. И посмотрите, что здесь делается!

Действительно, на полу лежали какие-то разбитые циферблаты, обломки металла, лопнувшая искорёженная золотая труба с довольно толстыми стенками...

- Дылдон не виноват, сказал вдруг Андрей. Если кто виноват так это я. Я доказал Дылдону, что опыт безопасен.
- Значит, ты обманул его! Пусть это не человек, а механизм, но всё равно ты совершил обман. Обманывая механизм, ты обманываешь общество!
- Я не обманул его, а убедил. Я внёс поправки в его схему. Он даже помогал мне делать опыт.

- Опыты не напрасны, безопасны, оправданны, обоснованны, объективны, перспективны, глухо забормотал ДРАКОН.
- Hy, с вами толковать что воду в ступе толочь! серлито сказал я.
- Воду? В ступе? Толочь? Новый опыт? заинтересовался ДРАКОН.
- Никаких опытов мы делать не будем, ответил я. Лучше наведите здесь порядок.

ДРАКОН нагнулся над люком мусоросброса и стал сбрасывать туда обломки. Столкнув остатки искалеченной золотой трубы, он захлопнул люк.

В это время подоспел врач.

Рана Андрея скоро зажила, остался только шрам. Самое странное, что за свою проделку Андрей, в сущности, не понёс никакого наказания. Его на короткий срок отстранили от опытов, а потом он опять принялся за своё. Уж чего-чего, а упрямства у него хватало.

4. Из юности

Однажды ранней осенью мы шли с Андреем по берегу залива. Поравнявшись с лодочной станцией, Андрей сказал:

 Возьмём лодку. Давно мы с тобой не катались на лодке.

Мы взяли шлюпку и стали выгребать в залив. Мимо нас проходили яхты, прогулочные электроходы, а мористее видны были не спеша идущие морские пассажирские корабли и большие парусники. Эти парусники были очень красивы, совсем как на старинных гравюрах. Только на них не было команды: паруса поднимались и убирались специальными механизмами, которыми управлял

КАПИТАН¹. Парусники эти перевозили несрочные грузы и и вполне себя оправдывали. Правда, иногда из-за чрезвычайной сложности управляющего устройства с некоторыми из этих судов происходили странные вещи. Они вдруг начинали блуждать по морям, не заходя ни в какие порты.

Мы с Андреем гребли всё дальше в залив. Но вот двухпалубный атомоход прошёл недалеко от нас, подняв большую волну. Нас тряхнуло, немного воды перелилось через борт, но всё обошлось благополучно.

- Могло кончиться и хуже, сказал я Андрею. Мы могли очутиться в воде, а ты ведь до сих пор не умеешь плавать. Как это странно изучаешь воду, делаешь с ней опыты, а плавать не умеешь. Может быть, ты хочешь усмирить бури и штормы?
- Нет, бури и штормы останутся. Но вода, по моему убеждению, со временем станет слугой человека.

Я просто промолчал, услыхав это. Я давно знал, что вода – это пунктик Андрея, и не хотел с ним спорить.

- К этому выводу можно прийти не только исследовательским, научно-техническим путём, но сама логика жизни говорит об этом, продолжал Андрей. У человека есть друзья металл, камень, дерево, стекло, пластмассы, друзья верные и испытанные. Но человечество растёт, ему нужен новый сильный друг и союзник. Такого друга у него пока нет. Зато у него есть враг вода.
- Вода это и есть вода, и ничего с ней не сделаешь, вставил я словечко.
- Но когда человек подчиняет себе сильного и опасного врага, то именно этот враг становится самым верным и надёжным союзником. Только подчинив себе воду, человек станет полным властелином планеты.
- Мели, Емеля, твоя неделя, сказал я Андрею, выслушав его слова.

¹ КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный, Первоклассно Интеллектуализованный Точный Агрегат Навигации) – весьма совершенный для своего времени агрегат. Ныне модернизирован.

- Какой Емеля? удивился Андрей.
- Это просто есть такая старинная поговорка. Не буду тебе её расшифровывать.

В то время я уже серьёзно интересовался историей литературы и фольклором XX века и имел несомненные успехи. В старинных книгах я выискивал древние поговорки, прибаутки и выписывал их в отдельную тетрадь. Одновременно я работал над моим любимым детищем — СО-СУДом.

Одиннадцатые и двенадцатые классы в нашей школе были специализированные, и после окончания десятого класса я пошёл на гуманитарное отделение, Андрей же — на техническое. Но мы, как и прежде, были с Андреем дружны, вместе ходили в театр и кино, а во время летних каникул вместе путешествовали то по Америке, то по Австралии, то по Швеции. Но лучше всего сохранились в моей памяти наши совместные прогулки по родному городу.

Однажды, проходя мимо одного здания, я заметил у входа надпись:

«ОРФЕУС (Определитель Реальных Фактических Естественных Умственных Способностей)»

Я давненько уже хотел проверить свои умственные возможности, в широте которых я, при всей своей скромности, не сомневался. Поэтому я шутливо предложил Андрею:

- Давай зайдём сюда, узнаем, на сколько баллов тянут наши умы.
- Зайдём, если тебе хочется, согласился Андрей. –
 Только я не очень верю в точность этого агрегата.

- Может быть, ты боишься, что кто-то из нас окажется потенциальным идиотом? поддразнил я его.
- Всё возможно, ответил Андрей. Иногда я чувствую себя таким глупцом...

Мы вошли в помещение, и вскоре нас повели каждого в отдельную комнату, обставленную приборами. Ассистент подвинул мне кресло, надел мне на голову какой-то пластмассовый шлем с идущими от него проводами.

– Думайте о том, что вас больше всего интересует и о чём вы чаще всего размышляете, – сказал ассистент.

Я стал думать о своём любимом детище — СОСУДе, и вскоре на приборах задвигались стрелки, вспыхнули лампочки. Затем ассистент подошёл к какому-то экрану, поглядел на него и выключил всю механику.

- Готово, сказал он. У вас уклон к систематике.
- А сколько у меня баллов?
- Четыре балла. Совсем неплохо.
- Как, всего четыре балла?! возмутился я. Это при десятибалльной-то системе! Тут какая-то ошибка.
- Четыре балла совсем неплохая оценка, возразил мне ассистент. Есть много людей, которым ОРФЕУС даёт гораздо меньшую оценку, а они работают в области науки, искусства и литературы и считаются умными людьми.
- А даёт ваш ОРФЕУС кому-нибудь высокие баллы? поинтересовался я. Ставит он девятки, десятки?
- Десяти баллов со дня его изобретения ОРФЕУС никому не присуждал. Десять баллов это состояние гениальности. Гении не так часто рождаются. Уже девять баллов преддверие гениальности... Вы знаете историю жизни Олафа Индестрома?
- Я знаю его Теорию Невозможности. Мы её проходили в восьмом классе. Неужели вы думаете, что если ваш ОРФЕУС поставил мне четвёрку, то я настолько туп, что не знаю ТН Индестрома!
- Никто не сомневается, что вы знаете ТН, успокоил меня ассистент. – Я хочу напомнить вам историю его жизни. Тридцать лет тому назад в маленьком шведском город-

ке Ульта-фиорде на сетевязальном заводе работал наладчиком станков молодой рабочий. У него было минимальное земное образование – двенадцатилетка с техническим уклоном. В свободное от работы время юный Олаф посещал теоретические курсы общей физики, а также читал книги по квантовой теории, космографии и сопромату. Кроме того, в уме он мог делать столь сложные и быстрые подсчёты, что обгонял кибернетическую машину среднего класса. Он готовился в вуз, но, отличаясь крайней скромностью, не спешил подавать туда заявление. Однажды товарищи чуть ли не силком затащили Олафа к ОРФЕУСу, который присудил ему девять баллов. Вскоре Индестром был принят на третий курс Академии Высших Научных Знаний. Через два года он создал Теорию Невозможности. Памятники, воздвигнутые ему при жизни, стоят во всех крупных городах мира.

- Я всё это знаю, сказал я. И мне всегда казалось странным, что ставят памятники творцу негативного закона.
- Мудрость может быть и негативной, возразил ассистент. Тем более, что ТН при всей своей негативности играет положительную роль. Она предостерегает человечество от напрасных попыток прорваться к Дальним Звёздам. Индестром спас много человеческих жизней.

Я вышел в приёмный зал, Андрей же почему-то задержался в своей испытательной комнате. Мне пришлось ждать его чуть ли не час. Наконец он вышел в сопровождении ассистента и ещё каких-то двух пожилых людей профессорского вида.

- Идём, сказал он мне. Кончилась эта пытка.
- Что это тебя так долго испытывали? спросил я Андрея.
- Давали разные дополнительные задания. Совсем замучили. И звонили во Всемирную Академию Наук.
- Видно, их ОРФЕУС очень несовершенен, вот они и берут дополнительную информацию, сказал я, чтобы

утешить Андрея. – Мне этот ОРФЕУС дал всего четыре балла, это явная ошибка.

– Да, это очень несовершенный агрегат, – согласился Андрей. – Мне он дал десять баллов. Я этого, конечно, не заслуживаю. Иногда я чувствую себя безмозглым щенком.

Окончив школу, я поступил в Университет на филологический факультет, Андрей же был принят в Академию Высших Знаний сразу на третий курс.

5. Заслуженное наказание

Но возвращаюсь к тому, с чего я начал своё повествование.

Через несколько дней после «марочного бунта» Андрей пришёл ко мне в гости. Вид у него был грустный.

- Говори, что такое случилось? спросил я его. Опять очередной неудачный опыт? Пора бы тебе привыкнуть к неудачам. Ты в них, как рыба в воде.
- Нет, неприятность другого рода, ответил Андрей, пропустив мою шпильку мимо ушей и не оценив скрытого в ней каламбура. Ты понимаешь, я собрал однокурсников и рассказал о своём проступке, о том, что обругал девушку...
- Ну, ещё бы ты умолчал об этом! Скрывающий плохое– лжёт... Что же решили?
- Решили наказать меня охотой. Я должен отправиться в Лужский заповедник и убить одного зайца. Их там развелось очень много, и они портят плодовые сады в окрестностях заповедника.
- Неприятное дело, поморщился я. Но это заслуженное наказание. Только подумать объявить девушке, что она кикимора!
- Ты не полетел бы со мной туда, в заповедник? спросил Андрей. Как-то тоскливо идти на это дело одному. Задание я, разумеется, сам выполню.

Я вспомнил, что один студент рассказывал мне, будто смотритель этого заповедника – глубокий старик и знает древние заклинания, прибаутки и бранные слова. «Может быть, мне удастся пополнить мой СОСУД», – подумал я и согласился сопровождать Андрея. Андрей ушёл, обрадованный моим решением.

В тот же час я сообщил Нине, что завтра улетаю на один-два дня. Но, узнав, что я отправляюсь в заповедник, Нина тоже захотела лететь со мной.

- Как, ты хочешь видеть, как убивают зверей? удивился я.
- Да нет, что ты! возразила Нина. Просто я хочу побыть среди природы.
- Ну, это другое дело, сказал я. Тогда завтра утром я зайду за тобой.

В глубине души я был очень рад, что Нина решила отправиться со мной в заповедник. Я решил, что дело тут не в природе, а во мне. Быть может, она ждёт от меня объяснения... И ради этого она даже согласилась отправиться на охоту.

Охота для людей давно перестала быть удовольствием и превратилась в неприятную обязанность, которая возникала время от времени, когда зверей в заповедниках становилось слишком много. С тех пор как на Земле навсегда прекратились войны, исчезли нищета и социальное неравенство, нравы человечества смягчились, и преступность сошла на нет. Перестав быть жестокими друг к другу, люди изменили и своё отношение к животным. Ещё задолго до моего рождения вышел всемирный закон, запрещающий производить опыты над животными – их теперь вполне заменяли электронно-бионические модели. Держать зверей в неволе, в так называемых зоологических садах, было признано жестоким, и зоосады были раскассированы. Совершенство и быстрота путей сообщения позволяли каждому видеть зверей в местах их естественных обиталищ. Человек уже не нуждался в охоте – ни для мяса, ни для шкур, ни даже для мехов. Синтемы (синтетические меха) были гораздо красивее и теплее естественного меха.

На следующее утро я направился к Нине. Отец Нины погиб во время подводной экспедиции, и хоть это произошло давно, но у Нининой матери порой бывал такой вид, будто это произошло только вчера. Однако в доме у них было уютно, мне нравилось бывать там. В то утро встретили меня, как всегда, приветливо. Это утро запомнилось мне очень хорошо, потому что именно с этого дня в судьбе моей и Нины начались большие изменения.

- Вам надо поесть как следует перед дорогой, сказала мне Нинина мать. Я сама программирую наш ДИВЭР $^{\scriptscriptstyle 1}$, и он накопил уже большой опыт.
- Я с удовольствием поем домашней еды, согласился
 я. Закажите, пожалуйста, ДИВЭРу две синте-бараньих отбивных.
- Заработайте своим трудом эти отбивные, засмеялась Нинина мать. Спрограммируйте агрегат сами.
 Идёмте, я вас научу.

Она повела меня в кухню. При нашем приближении ДИВЭР вышел из ниши и протянул нам подобие металлической ладони, на которой была видна клавиатура с изображениями букв и значков.

– Вот баранина для вас, – сказала Нинина мать, нажимая на какие-то значки и буквы, – а вот телячья отбивная для Нины. Всё это так просто.

ДИВЭР опустил руку и застыл в позе готовности.

- А это не опасно лететь на охоту? спросила Нинина мать. – Я боюсь за Нину, она такая неосторожная, вся в отца.
- Не беспокойтесь, я её не взял бы с собой, если бы это было опасно, ответил я.

¹ ДИВЭР (Домашний Индивидуальный Всёвыполняющий Электронный Работник) – старинный кухонный агрегат. Давно заменён более совершенными.

- Да, да, вы правы. Когда она с вами я за неё спокойна. Вы человек выдержанный и рассудительный.
- К этому меня обязывает моя профессия, скромно ответил я.

Мы вышли из кухни, и ДИВЭР принялся за работу. При людях работать он не мог, ибо был снабжён эффектом стыдливости. За все минувшие века женщинам настолько надоело возиться в кухнях, приготовляя обеды и моя посуду, что теперь это дело считалось неэстетичным, и при людях ДИВЭР не действовал, дабы не портить им настроения.

Мы вернулись в комнату, и Нина завела разговор об «Антологии Забытых Поэтов» и о том, что надо включить стихи Вадима Шефнера.

- А что он за человек был? спросила Нинина мать. –
 Он не был Чепьювином?
- Этого я сказать точно не могу, ответил я. Вот Чекуртабом¹ он был определённо: у него в стихах где-то упоминаются папиросы. Но вполне возможно, что он был и Чепьювином. От этих поэтов XX века всего ожидать можно.
- О людях нужно судить по их достоинствам, а не по их недостаткам, заявила вдруг Нина.
- Это не научный подход, возразил я. Для меня важно не только то, что писатель написал, но и то, как он вёл себя в быту.
- Как вы правы! воскликнула Нинина мать. А скажите, этот Светочев, с которым вы отправляетесь на охоту, уравновешенный человек? Ведь от человека, которого так строго наказали, можно ждать самых неожиданных поступков.
- Андрей хороший товарищ, успокоил я её. Он никого никогда ещё не подводил. Кроме самого себя.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ ЧЕКУРТАБ (Человек, Курящий Табак) – медицинский термин того времени.

– Ты, мама, не беспокойся, – вмешалась Нина. – Я хоть никогда и не видала этого Андрея, но вполне представляю его по рассказам Матвея. Это, по-моему, неплохой человек, только он из породы неудачников. Мне его почему-то жалко.

6. По пути в заповедник

Вскоре мы с Ниной вышли из её дома и направились к авиастоянке, расположенной на крыше высотного дома.

Здесь нас встретил Андрей. Я познакомил его с Ниной, и мы сели в четырёхместный легколёт. Я занял место рядом с ЭОЛом¹, а Нина и Андрей расположились на задних сиденьях.

Мы задали курс, выбрав прогулочную скорость. Погода стояла хорошая, и лететь было одно удовольствие. Город медленно плыл под нами, затем показались огромные белые кубы заводов синтетических продуктов, башни зерновых элеваторов. Вскоре потянулись зеленеющие поля; через равные промежутки среди полей возвышались башни дистанционного управления электротракторами. Через поля, уходя вдаль, тянулись прямые дороги дальнего следования, крытые желтоватыми и серыми пластмассовыми плитами; видны были лаковые спины многоместных элмобилей. То параллельно этим дорогам, то отбегая от них в сторону, то совсем уходя в лес, петляя вдоль берегов речек, вились неширокие грунтовые дороги для всадников. Возле этих дорог кое-где стояли небольшие гостиницы, где каждый всадник мог отдохнуть сам, накормить и напоить своего коня и показать его дежурному ФАВНу², если конь заболел. Хоть население Земли росло, но с переходом на

 $^{^1}$ ЭОЛ (Электронный Ответственный Лётчик) — агрегат XXII века. Впоследствии заменён более совершенными.

² ФАВН (Фармацевтический Агрегат Ветеринарного Назначения) существует и ныне в улучшенном виде (ФАВН-2).

синтетическое мясо высвободилось столь много земли, что человечество могло позволить себе роскошь ездить на верховых конях. Впрочем, учёные доказали, что это, в сущности, даже не роскошь, а выгода. При мне начали создаваться конные клубы, начались массовые состязания всадников. Многие теперь предпочитали ездить на недальние расстояния верхом. Молодые люди бросали свои элциклы и в свободное время овладевали конным делом.

Сидя рядом с ЭОЛом, я толком не слышал, о чём разговаривают Нина с Андреем. Но разговаривали они весьма оживлённо, и до меня порой доносились обрывки их фраз и иногда даже смех.

«Странно, как может Андрей смеяться, — думал я. — Ведь он наказан, направляется на такое неприятное дело — и вдруг этот смех!»

- Что смешного рассказала тебе Нина? спросил я его, перегнувшись через спинку сиденья.
- Ничего особенного, ответила за него Нина. Просто я вспомнила, как однажды ради шутки вставила в рукопись Антологии пять четверостиший из Омара Хайяма, а ты прочёл их и совершенно серьёзно сказал, что эти упадочные стихи не отражают XX век.
- Я в этот момент думал о чём-то другом и ошибся, ответил я.
 Я отлично знаю, когда жил Хайям. Но разве Андрей знает его стихи?
 - Представь себе, знает, ответила Нина.
- Сейчас ему нужно думать не об Омаре Хайяме, а о том наказании, которое он заслужил. И тебе, Нина, совсем незачем настраивать его на весёлый лад.

После этого моего совершенно справедливого замечания смех на задних сиденьях прекратился. Однако разговаривать они продолжали, только стали говорить тише.

Вскоре мы приземлились у границы заповедника. ЭОЛ поднял машину в воздух и лёг на обратный курс.

В районе заповедника запрещалось строить современные сооружения, и мы перешли через речку по бревенчатому мостику и пошли по лесной дороге. Нам нужно было найти жилище Лесного Смотрителя, у которого Андрей должен был взять орудие убийства, чтобы выполнить задание.

Андрей шагал впереди, а я с Ниной шёл несколько поодаль за ним. Порой через дорогу перебегали зайцы; в одном месте лисица воровато глянула на нас из подлеска и побежала дальше своим путём. На ветвях пели лесные птицы, и наше приближение ничуть их не пугало.

- Знаешь, я представляла твоего друга совсем другим,
 сказала вдруг Нина.
 Он лучше, чем ты рассказывал о нём.
- Я никогда не говорил тебе о нём ничего плохого, возразил я. – Не понимаю, чего тебе ещё надо.

- Ты говорил о нём слишком мало хорошего, ответила Нина. По-моему, он не совсем обыкновенный человек. Ты плохо знаешь его.
- Как ты можешь так говорить, Нина? спокойно сказал я. – Я его знаю всю жизнь, а ты знакома с ним полтора часа.
- В нём чувствуется устремлённость к какой-то высокой цели.
- Можно ставить себе большие цели и оставаться неудачником, – резонно возразил я.
- Что ж, может быть, он и неудачник, задумчиво сказала Нина. – Но ведь большая неудача лучше маленьких удач.
- Не понимаю тебя, Нина. Удача это всегда удача, а неудача – это всегда неудача.
- А по-моему, не так. Один человек, скажем, решил подняться на вершину горы, а другой стать на болотную кочку. Человек, не дошедший до вершины горы, подымется всё-таки выше того, кто стоит на болотной кочке.

Я не стал продолжать этот бесцельный спор – тем более, что мы уже подошли к дому Лесного Смотрителя. Здесь жил тот самый старик, о котором мне сказали, что он знает старинный фольклор.

7. Последний Чепьювин

Жилище Лесного Смотрителя стояло на зелёной поляне у ручья. Это была настоящая деревянно-пластмассовая изба конца XX века — со старинной телевизионной антенной на крыше, с крылечком и завалинкой. Возле избы стоял древний мотоцикл. В стороне, под деревьями, видны были зимние кормушки для лосей и оленей и маленькие ящики на столбах — кормушки для птиц. Всё здесь так не походило на город!

Из избы, приветливо улыбаясь, вышел навстречу нам статный старик, учтиво поздоровался и повёл нас в своё

жилище. Комната, куда он ввёл нас, была весьма уютна. Всё в ней дышало стариной – и дряхлый телевизор в потрескавшемся футляре, и паралоновый диван невиданной конструкции, и высокий деревянный стол, и кресла с плетёными спинками. Довершая это впечатление, на отдельном столике с мраморной крышкой стоял блестящий электросамовар, а на стене висели два ружья.

- Как у вас тут интересно! сказала Нина. Хотела бы я пожить здесь.
- A кто вам мешает, ответил смотритель. Приезжайте и живите, мы со старухой потеснимся.
- Видите ли, вмешался Андрей, мы по делу сюда прилетели. Нам, то есть мне, надо убить одного зайца.
- Да, я давал заявку на убийство, подтвердил старик. Зайцев много развелось. Тут садоферма есть в десяти километрах, так они стволы грызть начали... А за что же вам такое наказание?

Андрей объяснил, за что он наказан, и старик сказал с добродушной насмешкой:

– Строго у вас в городах! Мы с женой тут в глуши нетнет да и поспорим. Если б мне за каждую «дуру» зверя убивать – тут в заповеднике живности бы не осталось... Ну, бери, что ли, ружьё. Идём к сараю, стрельбе тебя обучу, – закончил он свою речь.

Старик и Андрей вышли из избы и направились за одну из пристроек. Через несколько минут оттуда послышался выстрел, потом другой. Вскоре старик вернулся, за ним шёл Андрей с ружьём.

- Понятливый парень, похвалил Андрея смотритель.
 Ружьё в первый раз в руки взял и всё понял. Сразу в яблочко попал.
- Ну, я пойду зайца убивать, сказал нам Андрей. –
 Надо скорей покончить с этим неприятным делом...
- Можно и я с вами пойду? обратилась вдруг Нина к Андрею.
- Нет, Нина, что вы! Зачем вам-то видеть всё это? Я уж один.

Он ушёл в лес, а Нина вышла из дому и села на скамейку. К ней тотчас подошёл оленёнок и стал тереться мордой о её колени, а она стала гладить ему спину. Я смотрел на неё в окно, и в эти минуты она показалась мне даже привлекательнее, чем обычно.

- А славная девчонка,
 сказал вдруг смотритель,
 словно угадав мои мысли.
 Девчонка что надо.
- Она не девчонка. Она уже на втором курсе, поправил я старика.
- А по мне хоть на двадцать втором. Передо мной она девчонка. Мне сто восемьдесят семь через неделю стукнет.
- Стукнет значит исполнится, понимающе сказал я. На вид вы моложе. Только подумать МИДЖ плюс семьдесят семь! Вы, наверно, обращались в Комиссию продления жизни?
 - Никуда я не обращался. Я сам себе жизнь продлеваю.
- А как вы себе продлеваете жизнь? заинтересовался
 я. Может быть, вы знаете какие-либо старинные лекарства?
- И лекарство одно знаю, и о смерти и всякой ерунде не думаю – вот и продлеваюсь.

Затем смотритель выдвинул ящик стола и вынул оттуда кожаный мешочек и пачечку бумаги.

- Что это такое? заинтересовался я.
- Это кисет, а в кисете махорка. Самосад.
- Как, неужели вы Чекуртаб $\overline{!}$ изумился я. И ещё в такие годы!
- Никакой я не Чекуртаб, а просто курящий. Напридумывали словечек!

Он ловко загнул край одной бумажки, положил туда табаку, затем свернул бумажку в трубочку и закурил. Тяжёлый синий дым пополз ко мне, и я расчихался. В это время из лесу послышался выстрел.

– Был заяц – нету зайца, – затягиваясь, сказал старик.
– Твой приятель не промахнётся. А ты – цирлих-манирлих.

- А что это такое «цирлих-манирлих»? спросил я. –
 Что означает эта фольклорная идиома?
- Так, ничего, ответил старик. Это я просто так. Дядя шутит.
- Может быть, это ругательство? обрадовался я. Не стесняйтесь, пожалуйста, обругайте меня ещё как-нибудь.
- С чего же мне тебя ругать, ты плохого мне не сделал.
 Вот лекарство своё приму тогда, может, поругаюсь.
 Идём, я тебе аптеку свою покажу.

Он повёл меня на кухню, а из кухни — в небольшую пристройку. Там чем-то сильно пахло. Запах был какой-то странный — и неприятный, и в то же время чем-то приятный. На старинной электрической плите стояли какие-то баки, тянулись трубки. Из одной трубочки в пластмассовую миску капала пахучая жидкость.

- Что это? спросил я. Химическая лаборатория?
- Она самая, бодро ответил старик, отливая жидкость из миски в стакан и протягивая стакан мне.

Я медлил, начиная подозревать самое худшее.

- Да ты бери, пей. Как слеза! К своему будущему дню рождения гоню. Выпей ты, а потом и я хватану.
- Вы Чепьювин! воскликнул я. Как несовместимо это с вашим почтенным возрастом!
- Пей, ласково повторил старик. А то обидишь меня.
 - А вы скажете мне бранные выражения?
 - Скажу, скажу. Только пей. Всё скажу.

Решив пожертвовать своим здоровьем для науки и не желая обижать старика, я сделал несколько глотков.

– Пей да закусывай! – отечески сказал смотритель, сунув мне в руку кусок сыра.

Я закусил и, чтобы не обижать старика, выпил стакан до дна. Мне стало хорошо и весело. Это было новое состояние души и тела. Затем выпил и старик, и мы вернулись в комнату.

Не идёт что-то охотничек-то наш, – сказал смотритель. – И девчонка куда-то делась, верно, в лес побежала... А парень он, видать, с головой. Отобьёт он её у тебя. Я-то заметил, как она на него поглядывает. Даст она тебе отскоч.

Что это такое – «отскоч»? – спросил я.В ответ Чепьювин запел нетвёрдым голосом:

Эх, сама садочек я садила, Сама, как вишенка, цвела, Сама я милого любила, Сама отскоч ему дала.

И закончил:

- Отошьёт она тебя, вот что. Забудет и вся недолга.
- Вы мне обещали обругать меня некоторыми фольклорными словами, напомнил я старику.
- Это, пожалуйста, это мы за милую душу, ответил Чепьювин. Этого добра я много помню. Бывало, дед мой как начнёт загибать а я запоминаю.

В это время в комнату вошёл Андрей, а за ним Нина, и наша беседа со старым Чепьювином прервалась. Андрей отдал убитого зайца смотрителю, и тот понёс его на кухню.

- Неприятно было его убивать, сказал Андрей. Они совсем ручные... А что это с тобой? спросил он, пристально поглядев на меня.
- Со мной ничего, ответил я и неожиданно для себя самого запел:

Эх, сама садочек я садила, Сама, как вишенка, цвела...

- Что с тобой творится! засмеялась Нина. Никогда я тебя таким не знала.
- Э, да он выпил! Он стал Чепьювином! догадался
 Андрей. Вот тебе и будущий профессор!
- Только для пользы науки! заплетающимся языком сказал я. Только ради пополнения СОСУДа!

В этот миг появился старый Чепьювин, неся полный стакан своего «лекарства». Он преподнёс его Андрею.

– Выпей половину, а потом девчонке передай, – сказал он. – Не выпьете за мой будущий день рождения – обижусь. Вот только обеда хорошего нет, старуха моя в Австралию улетела кенгуровые заповедники осматривать. А ДИВЭР наш испортился – я его хотел научить самогон гнать, а он возьми да и сломайся. Несознательный агрегат! – С этими словами смотритель поставил на стол несколько банок консервов и начал их открывать старинным охотничьим ножом.

Андрей отпил половину стакана и протянул его Нине.

- Нина, Нина, что ты делаешь! Опомнись, Нина! воскликнул я, ибо хоть я и был в состоянии опьянения, но всётаки сознание ещё не покинуло меня.
- Э, что там! засмеялась Нина. И, к моему ужасу, выпила стакан до дна.
- Правильно! вскричал старый Чепьювин. Молодцы, ребята! Знаете, какая примета в старину была? Если парень с девушкой из одного стакана выпили быть свадьбе.

8. Мост без перил

Утром я проснулся оттого, что белка прямо из открытого окна прыгнула на старинный диван, где я спал. Голова у меня болела, но старый Чепьювин дал мне выпить какогото снадобья, и я вновь почувствовал себя здоровым.

Все давно уже встали. Смотритель накормил нас завтраком, дал еды на дорогу, и мы втроём отправились к лесному озеру. Дорогу нам объяснил старый Чепьювин, сказав, что там очень красиво.

Мы не спеша — Андрей и я с рюкзаками, а Нина налегке — зашагали по лесной дороге, потом свернули на тропку и шли по ней километра три сперва лесом, потом через болото. Затем начались невысокие холмы, поросшие вереском и можжевельником. Солнце поднималось всё выше, было уже тепло. Вскоре с одного из холмов нам открылось озеро и небольшая река, впадающая в него.

 – Пойдёмте на тот берег, – сказала Нина. – Смотрите, как там хорошо!

Тот берег действительно был очень красив. На пологом берегу виднелись серые валуны, немного подальше начинался лес. На берегу стояла маленькая бревенчатая избушка.

Мы пошли под изволок к реке. Мост через неё никак не походил на то, что мы обычно подразумеваем под этим словом. Просто в двух местах были вбиты сваи, и с берега на берег перекинуты три связи из брёвен, по два бревна в каждой. И никаких перил.

Андрей первым вступил на этот мост, за ним Нина, я же замыкал шествие. Мы шли осторожно. Вода внизу была темна от глубины, она бурлила у свай, здесь чувствовалась сила течения. Слева от моста река сразу расширялась — там был омут. Маленькие водовороты тихо двигались по его поверхности.

– Как хорошо! – сказала Нина, остановясь и заглядывая вниз, в глубину. И вдруг, потеряв равновесие, испуганно вскрикнув, она упала вниз, в эту тёмную от глубины воду.

И в то же мгновение Андрей кинулся за ней с моста. Он забыл снять рюкзак, и я понял, что он может утонуть – ведь плавать-то он так и не научился. Тогда, скинув с плеч свой рюкзак, я положил его на брёвна, затем быстро снял ботинки и швырнул их на берег. После этого я нырнул в воду. Когда я вынырнул, то увидал, что Нину уже далеко отнесло течением и она плывёт к берегу. Я за неё не боялся, так как знал, что она хороший пловец. Андрея же нигде не было видно. Я стал нырять и наконец нашёл его под водой. Сорвав с него рюкзак, я вытащил Андрея на поверхность и поплыл с ним к берегу. Вскоре ноги мои коснулись дна. Я вытащил Андрея на берег, на тот самый, куда мы направлялись, и тут ко мне подбежала Нина.

- Что с ним? Что с ним? крикнула она. Это я во всём виновата!
- Ни в чём ты не виновата, успокоил я её. Просто ему не следовало кидаться за тобой. «Не зная броду не суйся в воду», так говорит старинная пословица. Ведь он плавать не умеет! А ты чем попусту плакать, лучше окажи ему помощь.

Мы сняли с Андрея куртку и рубашку и стали делать ему искусственное дыхание, но он оставался недвижим. Поняв, что дело серьёзно, я решил вызвать врача. Я никогда не снимал днём с запястья Личного Прибора, и теперь он пригодился. Я нажал кнопочку автокоординатора и кнопочку с красным крестом и восклицательным знаком – срочный вызов врача.

– Нина, я буду делать ему искусственное дыхание, а ты беги вон на ту полянку и маши руками. Или, ещё лучше, сними свою блузку и размахивай ею. Тогда врач из экстролёта скорее обнаружит нас.

Я взглянул на Личный Прибор. Рядом с кнопкой вызова уже засветилась зелёная точка — знак, что вызов принят.

Вдруг послышались хруст валежника, шум раздвигаемых веток — и на берег выбежал человек. Вид у него был такой, будто он спрыгнул с ленты старинного фильма. Рукава его рубашки были засучены по локоть, в правой руке он держал опущенный дулом вниз старинный дуэльный пистолет. На запястье одной руки его блестел Личный Прибор, что было вполне современно, но на запястье другой виднелось нечто, напоминавшее ручные часы. «Болен потерей чувства времени, бедняга», — успел подумать я.

Человек бросил пистолет на песок и, подбежав к лежащему без движения Андрею, положил руку с приборчиком, который я принял за часы, ему на лоб. Тогда я дога-

дался, что никакие это не часы, а просто ЭСКУЛАППП 1 . Человек этот был врач.

Едва врач приложил ЭСКУЛАППП ко лбу Андрея, как на приборе засветилась тонкая зелёная чёрточка. Затем ЭСКУЛАППП негромко, но внятно заговорил:

- Семьдесят восемь болевых единиц по восходящей. Летальный исход предотвратим. Внутренних повреждений нет. Состояние по Мюллеру и Борщенко альфа семь дробь восемь. Делать искусственное дыхание типа А три.
- Ну, это уж я сам знаю, сказал врач, обращаясь не то к прибору, не то к нам, не то к самому себе, и стал делать Андрею искусственное дыхание по всем медицинским правилам.

Вскоре Андрей начал подавать признаки жизни. Врач снова приложил ЭСКУЛАППП к его лбу. Зелёная чёрточка на приборе теперь не дрожала, она стала шире. Прибор снова заговорил:

– Летальный исход предотвращён. Одиннадцать болевых единиц по нисходящей. Больному нужен полный отдых четверо суток. Питание обычное.

Андрей тем временем совсем ожил. Он только был ещё очень бледен после пережитого.

- Пусть полежит ещё немного, сказал врач. А потом отведите его в ту избушку, и пусть отоспится. А затем его надо как следует накормить. Моя помощь больше не нужна. Сейчас мне предстоит куда более неприятное дело пойду убивать зайца. Понимаете, я только прицелился и вдруг ваш вызов...
 - А вас-то за что наказали охотой? спросил я врача.
- Меня? А разве вы не слыхали об этом ужасном случае в районе Невского? Там умер человек девяносто шести лет от роду. Не дожил до МИДЖа целых четырнадцать лет! А

¹ ЭСКУЛАППП (Электронный Скоростной Консилиум, Указывающий Лечащему Абсолютно Правильные Приёмы Помощи) – старинный медицинским агрегат. Ныне заменён более совершенным, действующим дистанционно.

я врач-профилактор, я отвечаю за длительность жизни людей в этом районе. Я потребовал себе наказания.

- А почему вы избрали такое неудобное орудие убийства?
 спросил я. Ведь из ружья легче попасть.
- У меня есть друг Смотритель Музея Старинных Предметов, он дал мне этот пистолет и научил из него стрелять.

Врач направился в лес, а мы с Ниной остались возле Андрея. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что мог передвигаться. Я навьючил на себя рюкзак, затем мы с Ниной взяли моего друга под руки и речным берегом повели его к озеру, где среди валунов виднелась старинная деревянная избушка в одно окно.

– Постойте! – спохватился я и, быстро вернувшись к месту происшествия, разделся и нырнул в омут, где довольно быстро отыскал рюкзак Андрея.

Вскоре мы добрели до избушки. Внутри там были печь, стол, стул, а на полу толстым слоем лежало сено — оно здесь хранилось для зимней подкормки лосей. На чердак вела лестница. Там тоже лежало сено.

- Чур, я на чердаке ночую! крикнула Нина. Здесь так уютно.
- О ночлеге думать ещё рано, резонно возразил я. Прежде всего нам надо обсохнуть и поесть. Ты, Нина, иди по ту сторону избушки и раздевайся там, а мы расположимся по эту сторону.

Вскоре мы с Андреем уже лежали голышом на песке, а наша одежда была расстелена рядом. Я смотрел на небо. Оно было светло-голубое, даже белесоватое — как всегда в жаркие безоблачные летние дни. Я думал о том, что это лёгкое невесомое небо, как бы состоящее из ничего, всегда остаётся самим собой, а вот на прочной вещественной земле всё меняется.

– Пока ты бегал вытаскивать мой рюкзак, Нина мне рассказала, как всё произошло, – прервал мои размышления Андрей. – Мне обязательно надо выучиться плавать...

Я знал, что Андрей благодарен мне, но в наше время выражать благодарность было уже не принято. Ведь если А благодарит Б за то, что тот поступил как должно, то этим самым А как бы предполагает, что Б мог поступить и иначе.

Из-за избушки послышался смех Нины. Потом она закричала:

- Он бежит к вам, он мой платочек утащил!
- Кто бежит? крикнул я. Никого тут нет.
- Ёжик! Подошёл и платочек унёс! Такой хитрый.

Действительно, из-за угла избушки показался ёж. На его иглы был наколот платочек. Я взял этот платочек, ёж сердито зафырчал, потоптался на месте и пошёл в лес.

Вскоре у всех у нас одежда просохла, и мы втроём принялись за еду. Рюкзак Андрея промок, но в нём, к счастью, лежали консервы, а им ничего не сделалось.

9. Девушка у обрыва

Утром я проснулся довольно поздно: очень хорошо было спать на сене. Когда я открыл глаза, то увидел, что Андрей сидит у окна за столом и что-то пишет. Он почувствовал мой взгляд и обернулся ко мне.

- Ничего, что я взял из твоего рюкзака тетрадь и рознял её на листы? спросил он. В моём рюкзаке была бумага, да она вся промокла.
- Работай, работай, ответил я. Только там у меня записаны кое-какие мысли по поводу Антологии, ты не вздумай делать поверх них свои записи.
- Нет, что ты, сказал Андрей. Я пишу на другой стороне.

Я встал и подошёл к нему. Весь стол был покрыт исписанными листками¹.

¹ Эти листы ныне хранятся в Музее имени Светочева. На их оборотной стороне действительно есть записи Матвея Ковригина, – **Ред.**

- Только цифры, формулы, знаки и значки и ни одного человеческого слова, сказал я. И давно ты встал?
- С рассветом, ответил Андрей. Я спал очень крепко, но потом меня словно что-то толкнуло. Я проснулся и сел сюда.
 - Ты уже хорошо себя чувствуешь?
- Физически не очень. Есть ещё какая-то слабость, усталость. Но голова работает хорошо. Знаешь, я, кажется, прихожу к важному решению.
- Ты уже много раз приходил к разным важным решениям, а потом оказывалось, что это ошибки.
- Нет, теперь нет. Кажется, я на этот раз поймал чёрта за хвост. Совсем неожиданный вывод. Я даже сам не понимаю себя, как я мог до этого додуматься.
- По-моему, тебе надо как следует выспаться, отлежаться. А потом на свежую голову ты опять можешь заняться этим делом, – осторожно посоветовал я. – А Нина всё ещё спит?
 - Нет. Она на озере. Вот она стоит.

Я взглянул из окна вправо. Нина стояла на невысоком песчаном обрыве и смотрела куда-то через озеро, вдаль. Ветер чуть шевелил её платье. Солнце освещало её сбоку, и она была очень хорошо видна.

- Девушка у обрыва, сказал вдруг Андрей. Как в одном стихотворении.
 - Что за стихотворение? поинтересовался я.
- Просто там девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Перед ней озеро, кувшинки в воде; за ней лес и утреннее солнце. А она стоит и смотрит вдаль. И кто-то смотрит на неё и думает: «Вот девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Теперь я её буду помнить всегда. Она уйдёт в лес, а мне всё будет казаться, что она стоит у обрыва. И когда я состарюсь, я приду к этому берегу и увижу: девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль…»
- Не понимаю, что хорошего нашёл ты в этом стихотворении? Не люблю этих сантиментов... В двадцатом веке и то лучше писали.

Андрей что-то пробормотал в ответ и уткнулся в свои записи, а я пошёл на озеро. У самого берега росли водяные лилии и купавы. Я прошёл по шатким деревянным мосткам к открытой воде и долго умывался. Нина всё ещё стояла на невысоком песчаном обрыве и бесцельно смотрела куда-то через озеро.

- Нина, ты хорошо спала? спросил я.
- Очень хорошо. Вначале мне мешали летучие мыши. Они всё влетали в окошечко и вылетали. Но они совсем бесшумные. Сейчас они там спят вниз головой, такие забавные. А ведь когда-то люди боялись их.
- Нина, а ты не забыла об Антологии? напомнил я. –
 Нам надо возвращаться в город.
- Нет, я останусь здесь на четыре дня, спокойно ответила она. Андрею нужно четыре дня покоя. Я буду готовить ему еду.
- Ну, не так уж он слаб, чтобы ему нужно было готовить еду, возразил я. Больной человек не встанет с рассветом и не сядет за стол, чтобы выводить какие-то бесконечные формулы. Если человек болен, он лежит и не рыпается.
 - Что-что? переспросила Нина. Лежит и что?..
- Не рыпается, повторил я. Это такое идиоматическое выражение XX века.
 - Но я всё-таки останусь, сказала Нина.
- Что ж, поступай так, как считаешь нужным, ответил я. Как-никак мы живём в двадцать втором веке и знаем, что разубеждать решившегося недостойное дело.
 Если зрячий идёт к пропасти, останавливающий его подобен слепцу.
- Ах, не читай мне школьных прописей, досадливо ответила Нина. И к пропасти я пока что не иду. Она спрыгнула с невысокого обрыва на береговой песок и, сбросив туфли, вошла в воду и стала рвать кувшинки.
- На тебе! крикнула она, бросая мне цветок. И не делай строгого лица.

Я вернулся в избушку. Андрей всё корпел над своими формулами.

Вот смотри, – сказал он, когда я подошёл к нему. – Вот она.

Он показал мне одну из страниц, всю исписанную и исчёрканную. Внизу, обведённая жирной чертой, видна была какая-то формула, очень длинная.

- Ну и что? спросил я.
- Я нашёл то, что искал. Теперь надо только проверять, проверять и проверять себя.
- Ладно, проверяй себя, а мне нужно возвращаться в город. Нина останется тут.
- Нина приносит мне счастье, задумчиво сказал Андрей. – Никогда не верил в такие вещи, но она приносит мне счастье.

10. САПИЕНС1 сказал: Да!

Вернувшись в Ленинград, я так погрузился в работу над «Антологией Забытых Поэтов XX века», что на время позабыл всё и вся. Правда, мне не хватало Нины — её помощь была бы весьма ощутимой, но тем не менее работа моя двигалась. Целые дни я проводил в трудах и лишь изредка покидал свой рабочий стол, чтобы подышать свежим воздухом.

Однажды я поехал на Острова. Я шёл по аллее и вышел на площадку, где стоят памятники Победителям Рака Иванову и Смиту, Экипажу «Марс-1» и Антону Степанову – одному из крупнейших поэтов XXI века. Здесь же возвышается памятник Олафу Индестрому, автору Закона Невозможности. Вы все знаете этот памятник: на чёрном цоколе стоит гигант из чёрного металла; простёртая его

¹ САПИЕНС (Специализированный Агрегат, Проверяющий Исследователю Его Научные Сведения) – старинный агрегат XXI в.

рука как бы застыла в повелительном жесте, пригвождающем всё земное к Земле, вернее к Солнечной системе. В те годы на цоколе памятника виднелась бронзовая доска со словами Индестрома: «Путь к Дальним Мирам закрыт навсегда. Тело слабее крыльев». Под этими словами была начертана Формула Невозможности – итог жизни Олафа Индестрома. Формулу эту мы все знали со школьной скамьи. Она доказывала, что, если даже человек создаст энергию, достаточную для проникновения за пределы Солнечной системы, ему никогда не создать такого материала, который не деформировался бы во время полёта. Мне не нравился этот памятник. Мне вообще казалось странным, что люди поставили его учёному, который доказал нечто отрицательное.

Я присел на скамью и поделился своими мыслями с человеком, сидящим рядом. Судя по значку на отвороте куртки, это был студент технического направления. Он не согласился со мной и сказал, что своим отрицательным законом Олаф Индестром спас много жизней. Далее он добавил, что памятник этот должен стоять вечно, если даже Закон Невозможности будет опровергнут.

- Закон потому и закон, что он неопровержим, возразил я.
- Сейчас он неопровержим, но под него уже подкапываются, сказал студент. Вся специальная техническая пресса пестрит статьями о том, что мы накануне технической революции. Человечеству нужен единый сверхпрочный универсальный материал. Человечеству тесна его металло-каменно-деревянно-пластмассово-керамическая рубашка. Она трещит по швам.

Однажды, когда я работал над своей Антологией, ко мне явилась Нина. Я сразу же заметил, что у неё какой-то праздничный вид и что она очень похорошела за эти дни.

- Тебе пошёл на пользу воздух заповедника, сказал я, и она почему-то смутилась.
- Я пробыла там вместо четырёх дней целую декаду, потому что Андрей был так занят... – каким-то изви-

няющимся тоном произнесла она. – Я готовила ему еду. Если его не накормить, он сам не догадается поесть. Но он очень продвинулся в своей работе. Он проверил свою формулу, и она...

- А еды вам хватило? спросил я. Ведь в заповедник нельзя вызывать транспорт.
- Я два раза ходила к смотрителю. Это такой славный человек. А жена его вернулась из Австралии и...
- Нина, меня интересует не Австралия, а Антология, мягко сказал я. И хоть твоя помощь сводится только к чисто технической работе, но всё же твоё участие весьма желательно. Но договаривай об Андрее. Итак, он проверил свою формулу, и она оказалась ошибочной? Ведь так?
- Пока что ничего не известно. Он сдал материалы в Академию, а там их отдали на поверку САПИЕНСу. Но расчёты, представленные Андреем, настолько сложны и парадоксальны, что САПИЕНС бьётся над ними уже сутки и не может ни отвергнуть их, ни подтвердить их правильность.
- Я хоть не электронный САПИЕНС, а простой гомо сапиенс, но и я могу предвидеть результат, пошутил я. Опять будет неудача.

Нина промолчала, сделав вид, что погружена в чтение материала для Антологии.

- Мне не очень нравится твой подбор авторов, сказала вдруг она. Ты обедняешь двадцатый век. Он был сложнее, чем ты думаешь.
- Меня удивляет твоё замечание, сказал я. Не забудь, что Антологию составляю я, а ты только моя техническая Помощница.

Этот выпад Нины против моей работы так расстроил меня, что в тот вечер я долго не мог уснуть. Уснул я только в два часа ночи, а в три часа был разбужен мыслесигналом Андрея.

 Что случилось? – спросил я. – Нужна помощь? Сейчас выхожу.

- Помощи не нужно, гласила мыслеграмма Андрея. Поздравь меня. Три минуты тому назад САПИЕНС подтвердил правильность моей формулы.
 - Поздравляю, рад за тебя, ответил я. Всё?
 - Всё. Мыслепередача окончена.

Я был очень рад, что Андрею наконец-то повезло. Правда, меня несколько удивило, что он не сообщил мне это известие каким-либо другим способом. Ведь в наше время к мыслеграммам прибегали только в случае крайней необходимости. Только много позже я понял, какие огромные перемены в наш мир внесло открытие Андрея.

На следующее утро, когда я работал над своей Антологией, ко мне опять пришла Нина. Прямо с порога она мне сообщила новости:

- Ты не представляешь, что у Андрея в Академии творится! Туда спешно прилетел Глава Всемирной Академии Наук, прибыла целая делегация от Института Космонавтики! Андрею выделяют специальный институт, лабораторию, дают право набирать любое количество сотрудников!
 - Ты уже успела побывать у него? спросил я.
 - Да, ответила она. А что?
 - Так, ничего. Я спросил просто так.
- Можно подумать, что ты не рад успеху своего друга! сказала Нина.
- Я очень рад его успеху, ответил я. Но меня несколько беспокоит эта обстановка сенсации, которая создаётся вокруг Андрея. Можно подумать, что мы вернулись в двадцатый век.
- В нашем двадцать втором тоже возможны великие открытия, возразила Нина.

Я не стал с ней спорить, зная, что это бесполезно. Вместо этого я напомнил ей, что начинаются каникулы, и предложил отправиться вместе на Гавайские острова.

Нет, это лето я хочу провести в Ленинграде, – ответила Нина. – Я люблю Андрея. Я буду с ним. И не сердись

на меня... – Она положила ладони мне на плечи и поцеловала меня в лоб. – Иди. Желаю тебе счастья.

11. События развиваются

В раздумье шёл я по людному проспекту. Мне было грустно. Прав был старый Чепьювин – он сразу понял, что Нина меня не любит и никогда не полюбит. В чём-то тут была и моя ошибка, но в чём – я не знал. И вот я шагал по светлой улице среди весёлых и счастливых людей, а сам был невесел и не слишком-то счастлив.

В дальние края лететь мне уже не хотелось, и я решил провести свои каникулы в работе и только переменить на время своё местопребывание. Зная, что в Новосибирске есть большая библиотека, где имеется много старинных книг, я решил отправиться на лето именно туда. А по пути я заеду в Москву, там мне нужно навести кое-какие библиографические справки. Придя к этому решению, я вернулся домой, взял портфель и отправился на подземный вокзал, чтобы сесть в пневмоснаряд. В то время этот вид скоростного транспорта был в новинку, и я часто пользовался им.

- Есть ли свободные места в пневмоснаряде? спросил я у дежурного.
- Есть одно, ответил тот. Отправка через четыре минуты.

Я, как обычно, почувствовал лёгкий толчок, затем у меня слегка захватило дыхание от нарастающей скорости. Затем в тело вошла приятная лёгкость, и вскоре я уже плавал в воздухе, держась за поручень, как и остальные пассажиры. Баллистический подземный вагон-снаряд летел по идеально гладкой трубе — тоннелю. Вскоре скорость замедлилась, состояние невесомости прекратилось. Вагонснаряд остановился, двери открылись, и я поднялся лифтом на улицу Москвы и направился в библиотеку.

Когда я вышел из библиотеки, уже стемнело, и от самосветящихся мостовых исходил ровный, спокойный свет. Пора было думать о ночлеге.

К счастью, в моё время это уже не было трудной проблемой для всех, приезжающих в знакомые и незнакомые города. Гостиницы в моё время ещё существовали, но пользовались ими, главным образом, в курортных городах, в остальных же крупных и мелких населённых пунктах они уже были непопулярны. Любой человек мог войти в любой дом, и всюду ему были рады и встречали как друга. Спрашивать гостя, откуда он, кто он и зачем приехал в этот город, считалось невежливым. Гость, если хотел, рассказывал о себе, а если не хотел – не рассказывал.

Мне понравился один небольшой дом на берегу Москвы-реки, и я вошёл в его подъезд и поднялся лифтом на двадцатый этаж — я люблю верхние этажи, в них светлее. На лестничную площадку выходили двери четырёх квартир, и я на минуту задумался: в какую именно войти? Я любил эти мгновения, когда не знаешь, какие именно люди тебя встретят, кто они по специальности, но знаешь: кто бы тебя ни встретил, ты будешь желанным гостем. В старину такая ситуация называлась беспроигрышной лотереей. Впрочем, одна из четырёх дверей отпадала: на ней висел знак одиночества. Я открыл дверь противоположной квартиры и прошёл по коридору в комнату, откуда слышались голоса. Войдя в эту комнату, я увидел, что группа людей сидит перед объёмным телевизором.

- Здравствуйте! сказал я. Хочу быть вашим гостем.
- Мы вам рады, откликнулось несколько голосов. От сидящих отделилась молодая женщина и подошла ко мне.
- Я сегодня за хозяйку, сказала она. Идёмте, я вам покажу свободную комнату и квартиру вообще. И потом вы, наверно, проголодались?
- А завтра мы вас поводим по Москве, сказал кто-то из сидящих.

 Нет, по Москве меня водить не надо. Я её хорошо знаю, я ведь ленинградец, – ответил я и затем поведал о себе.

В моё время люди уже не торчали часами перед телевизорами, смотря всё подряд, как это делали многие люди двадцатого века, судя по старинным книгам и журналам. Поэтому меня удивило, что вся квартира смотрит какой-то довольно посредственный фильм — увы, их довольно много и в наше время. Я спросил у присутствующих, чем объясняется их странный интерес к этому фильму.

- Как, разве вы не знаете? удивились все. Ведь вамто в первую очередь надо знать новость вы же только что из Ленинграда. Мы ждём чрезвычайное сообщение.
- Какое чрезвычайное сообщение? удивился я в свою очередь. – Разве в наш век могут быть чрезвычайные сообшения?
- Это касается открытия Андрея Светочева, пояснили мне.

На экране телевизора тем временем ничего особенного не происходило. Шёл обычный фильм, который можно смотреть, но можно и не смотреть. Какой-то молодой человек и девушка то ссорились, то мирились, то собирались вместе лететь на Марс, то раздумывали.

- А что случилось у ваших соседей? спросил я присутствующих. – Почему у них на двери висит знак одиночества?
- У них большое несчастье. В их квартире жил молодой инженер-строитель. Месяц тому назад он полетел в командировку на Венеру и там погиб. Обрушилось какое-то сооружение. Вы же знаете, что наши земные материалы плохо переносят инопланетные условия...
- Ему не было и шестидесяти лет, тихо сказал один из присутствующих.

Внезапно фильм прервался, и на экране телевизора возник Старший диктор, окружённый переводящими машинами. Диктор был взволнован.

- ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! - сказал он.

СЛУШАЙТЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ!

РАБОТАЮТ ВСЕ ЗЕМНЫЕ И ВНЕЗЕМНЫЕ ПЕРЕДАЮЩИЕ СИСТЕМЫ!

ВСЕМИРНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ ОБСУДИЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫКЛАДКИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ АНДРЕЕМ СВЕТОЧЕВЫМ, А ТАКЖЕ ПРОВЕРИЛ ПРАВИЛЬНОСТЬ ФОРМУЛЫ СВЕТОЧЕВА.

ТЕОРИЯ СВЕТОЧЕВА О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОГО ЕДИНОГО УНИВЕРСАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ПРИЗНАНА ПРАВИЛЬНОЙ И ТЕХНИЧЕСКИ ОСУЩЕСТВИМОЙ.

АНДРЕЮ СВЕТОЧЕВУ ДАЮТСЯ НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ.

ДАЮ СЛОВО АНДРЕЮ СВЕТОЧЕВУ.

На экране появился Андрей. Он был бледен, и вообще вид у него был скорее встревоженный, чем радостный. Глухим невыразительным голосом начал излагать он сущность своего открытия. Он часто запинался, не находил нужных слов, некоторые слова повторял без всякой надобности — вообще культура речи у него хромала. Я вспомнил, что в школе отметки его по устному разделу русского языка были всегда ниже моих. Но сейчас он говорил совсем плохо — на «тройку», если даже не на «двойку». Сейчас эту речь Андрея знает наизусть каждый школьник, но знает её в подчищенном виде, без всех этих пауз, запинок и повторений. Сущность же его открытия сводилась к тому, что он теоретически доказал возможность создания единого универсального материала из единого исходного сырья — воды.

Но вот Андрей умолк, экран погас, и в комнате на миг воцарилось молчание. Затем все мои новые знакомые, не сговариваясь, встали в знак высокого уважения. Пришлось встать и мне, хоть в глубине души я счёл излишним такое преувеличенное выражение чувств.

Начинается новая техническая эра, – тихо сказал кто-то.

Мы вышли на балкон. С высоты двадцатого этажа видны были уходящие за горизонт огни Москвы. Справа от нас виднелись башни Кремля, озарённые особыми прожекторами солнечного свечения. Казалось, над Кремлём вечное солнце, вечный полдень.

Когда я проснулся на следующий день в отведённой мне комнате, то сразу почувствовал, что уже девять часов одиннадцать минут. Квартира была пуста, все её жители ушли на работу. Я умылся, съел приготовленный мне завтрак и просмотрел утреннюю газету, которая почти целиком была посвящена Андрею и его открытию. Затем я вышел на балкон.

Внизу, по набережной Москвы-реки, тёк людской поток, и всё в одном направлении – к Красной площади. Этот поток не вмещался на тротуаре, он захлёстывал мостовую, и из-за этого не могли двигаться элмобили и элтобусы.

«Странно, – подумал я. – Сегодня не Первое мая, и не Седьмое ноября, и не День Космонавтики. Неужели вся эта суматоха из-за Андрея?»

Я включил телевизор. Показывали Ленинград.

– Стихийный митинг на Дворцовой площади, – сказал диктор, и я увидел на площади множество людей. У всех были счастливые лица, будто невесть какое чудо случилось. Группы студентов несли довольно аляповатые, наспех сделанные плакаты. «ДАВНО ПОРА!»; «ДАЁШЬ ЕДИНЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ!»; «ХИМИКИ РАДЫ, ФИЗИКИ – ТОЖЕ!!!», «УРА – АНДРЕЮ!» – вот что было написано на этих плакатах. Вся эта толпа вела себя совершенно недисциплинированно – она громко пела, гудела, шумела на все лады. Я выключил Ленинград и включил Иркутск, но и там было то же самое. Затем я включил Лондон, Париж, Берлин – там происходило то же самое.

«Эта всемирная суматоха не должна мешать моей работе», – подумал я. Вскоре я вышел из квартиры и через двадцать минут был на воздушном вокзале.

12. Самодельный АТИЛЛА

В те времена до Новосибирска можно было лететь экстролётом, рейсовым дирижаблем и дирижаблемсанаторием. Так как спешить мне было незачем, то я выбрал дирижабль-санаторий и вскоре был на его борту. Дежурный врач провёл меня в двухместную каюту. Затем он приложил к моему лбу ЭСКУЛАППП, который показал всего три болевых единицы по восходящей.

- Ну, вы, товарищ, два МИДЖа проживёте, улыбнулся врач. Но у вас лёгкое переутомление, поэтому я назначу вам кое-какие процедуры. Есть ли у вас какие особые пожелания?
- Если можно, то пусть моим однокаютником будет человек гуманитарного направления, попросил я. Голова уже гудит от всех этих технических разговоров.

Врач ушёл, а в каюту вскоре вошёл человек средних лет. При нём был довольно большой чемодан, что меня несколько удивило: как правило, люди давно уже путешествовали без ручной клади. Мой спутник сообщил мне, что зовут его Валентин Красотухин и что у него две специальности: он ихтиолог и писатель. Признаться, имя это мне ничего не говорило. Назвав себя и свою профессию, я по-интересовался, какие произведения созданы моим одно-каютником.

- Видите ли, ответил Валентин, ихтиолог я по образованию и по роду работы. А писатель я по внутреннему призванию. Правда, я смотрю истине в лицо и сознаю, что таланта у меня нет, но я сконструировал кибернетическую машину и с её помощью надеюсь со временем создать поэзо-прозо-драматическую эпопею, которая прославит меня и...
- Но послушайте, перебил я своего нового знакомого, ведь уже в конце двадцатого века было доказано, что никакая, даже самая совершенная машина не может заменить творческий процесс. Это так же ясно, как то, что невозможно создать вечный двигатель.

– Но я сам сконструировал свой творческий агрегат, – возразил Красотухин. – Я верю, что мой АТИЛЛА не подведёт меня! Вот полюбуйтесь на него!

С этими словами писатель-ихтиолог раскрыл чемодан, извлёк из него довольно большой прибор с множеством кнопок и клавиш и поставил его на стол каюты.

– Вот он, мой АТИЛЛА!

Мне стало немного грустно: и здесь я не избёг техники. Но мне не хотелось огорчать своего спутника.

- Почему именно АТИЛЛА? проявил я интерес.
- АТИЛЛА это Автоматически Творящий Импульсный Логический Литературный Агрегат, пояснил Красотухин. Правда, он ещё не вполне вошёл в творческую силу, он ещё учится. Ежедневно я читаю ему художественные произведения классиков и современных авторов, учу его грамматике, читаю ему словари. Кроме того, я беру его на лекции по ихтиологии, которые он вниматель-

но слушает. Года через три он будет знать всё и сможет работать с полной творческой отдачей. Но уже и сейчас мы с ним творим на уровне начинающего среднего литератора.

- A вы не можете продемонстрировать АТИЛЛУ в действии? спросил я.
- С удовольствием! воскликнул Красотухин. Дайте творческую программу.
- Ну, пусть он сочинит что-нибудь для детей, чтонибудь там про кошечку, например, – предложил я, выбирая тему полегче.

Красотухин нажал на АТИЛЛЕ кнопку с надписью «внимание». Вспыхнул зелёный глазок, агрегат глухо заурчал. Тогда Красотухин нажал клавишу с надписью «стихи д/детей».

- АТИЛЛУШКА, творческое задание прими. Про кота что-нибудь сочини, просительно произнёс писательихтиолог в рупор.
- Творзадание принято! глухо произнёс голос из прибора, и сразу же вспыхнуло табло с надписью «творческая отдача». Затем из продолговатого узкого отверстия вылез лист бумаги. На нём было напечатано:

КОТ И МАЛЮТКИ

– Здравствуй, здравствуй, кот Василий, Как идут у вас дела? – Дети козлика спросили... Зарыдала камбала.

И малюткам кот ответил, Потрясая бородой: – Отправляйтесь в школу, дети!.. Окунь плачет под водой.

Сотворил АТИЛЛА

- Не так уж плохо, утешающе сказал я. В некоторых детских журналах XX века я читал нечто подобное.
 Только тут нужна правка. Ваш АТИЛЛА путает кота с козлом. И потом откуда-то ни к селу ни к городу камбала с окунем появились.
- У АТИЛЛЫ ещё смещены некоторые понятия, смущённо ответил писатель-ихтиолог. Боюсь, что я несколько перегрузил его ихтиологическими знаниями. Но не хотите ли дать АТИЛЛЕ творческое задание в области драматургии?
- Смотрите, какой прекрасный вид под нами, сказал я Красотухину, чтобы отвлечь его от АТИЛЛЫ. И видимость тоже прекрасная.

Наш дирижабль-санаторий давно уже отчалил и теперь плыл в воздухе на высоте восьмисот метров. Из большого иллюминатора в стене каюты можно было наблюдать, как не спеша движется под нами какой-то небольшой город-сад. Его прямые улицы с домами, крытыми голубой пластмассой, казались каналами, прорытыми среди зелени. И только чёрные шары на тонких мачтах — усилители мыслепередач — говорили о том, что это всё-таки город, где живут несколько тысяч людей. Потом снова внизу потянулись поля, среди которых кое-где возвышались башни дистанционного управления электротракторами.

Вскоре нас позвали на купание. Плавательный бассейн был накрыт огромным прозрачным пластмассовым колпаком, чуть выше, почти задевая его, проплывали порой редкие летние облака. Дно бассейна тоже было из прозрачной чуть голубоватой пластмассы. Купаясь, мы видели под собой луга, леса, реки, дороги с пробегающими по ним элтобусами. Казалось, мы плавали не в бассейне, не в воде, а в самом небе, в бескрайнем, подёрнутом голубоватой дымкой пространстве. Мы словно парили в нём, как птицы, вольно и легко, и эта лёгкость подчёркивалась тишиной, ибо дирижабль летел беззвучно, как во сне. К одному борту бассейна была пристроена вышка для прыжков в воду, и каждый раз, ныряя с неё в бассейн вниз головой, я

испытывал жутковатое ощущение, будто я лечу в пропасть, в бездну, на дне которой растут деревья, зеленеют поля, тянутся нити дорог. И вдруг меня упруго подхватывала вода, не давая падать дальше.

Вечером, после ужина, я разговорился с писателемихтиологом. Это был совсем не глупый человек; пока не заходила речь об АТИЛЛЕ, он рассуждал вполне здраво и логично. Так, например, он рассказал мне о своём проекте использования старинных военных кораблей - тех, которые ещё не пошли на переплавку, – под живорыбные садки. Все эти древние линкоры, авианосцы, без пользы стоящие в портах, вполне подойдут для этой цели. Нужны только некоторые переделки, весьма незначительные. Когда я, в свою очередь, завёл речь об «Антологии Забытых Поэтов XX века», писатель-ихтиолог согласился со мной, что дело это очень важное и нужное, и сделал несколько полезных замечаний, свидетельствующих о его начитанности и живости ума. Узнав же, что я работаю над пополнением СОСУДа, мой новый знакомый горячо одобрил это начинание и присовокупил, что я делаю для потомства дело нужное и важное, так как людей, употребляющих ругательства, на Земле почти не осталось и этот вид фольклорного творчества надо закрепить письменно для потомства.

Но затем мой собеседник снова сел на своего конька, завёл речь об АТИЛЛЕ и попросил меня научить АТИЛЛУ ругательствам.

- Для меня это не составит большого труда, ответил
 я. Но целесообразно ли это?
- Для будущей прозо-драмо-лирической эпопеи, которую я создам в соавторстве с АТИЛЛОЙ, потребуются и бранные выражения. Ведь эпопея будет охватывать все века, а, как вам известно, в минувшие столетия брань употреблялась весьма нередко. И поскольку, как вы сами убедились, я несколько перегрузил АТИЛЛУ ихтиологическими знаниями, небольшое количество ругательств как бы уравновесит его словарь.

– Хорошо, я согласен дать вашему АТИЛЛЕ урок неизящной словесности, но вас прошу выйти на это время из каюты. Мне неудобно произносить при человеке грубые слова.

Ночью мы миновали Урал и теперь летели над Сибирью. К вечеру начались леса промышленного значения – с просеками, пересекающими их, с лесоперерабатывающими пунктами. Но затем всё чаще стали проплывать под нами участки настоящей тайги — это были заповедники, где она сохранялась в своём естественном виде. Мы летели малой высотой, и к нам доносился запах зелени и хвои. Настроение у меня было превосходное, о чём я и сообщил своему соседу.

– Я думаю, что не испорчу вашего настроения, если попрошу вас дать моему АТИЛЛЕ новое задание, – сказал писатель-ихтиолог. – Завтра мы с вами расстанемся, а мне хочется, чтобы у вас осталось приятное воспоминание о моём детише.

Я подумал про себя, что иметь дело с АТИЛЛОЙ – это как раз самый верный способ испортить себе настроение. Но затем я вспомнил, что ещё в четвёртом классе школы на уроке морали нас учили: «Никогда не огорчай человека, если этого не требуют особые обстоятельства. Слабости хороших людей не делают их плохими людьми». Поэтому я скрепя сердце согласился ещё на одно творческое испытание АТИЛЛЫ.

- Я иногда даю ему узкоспециализированные задания, сказал писатель-ихтиолог, обрадованный моим согласием. Например, подобрать рифмы к слову «окунь» или сочинить рассказ, в котором все слова начинаются на одну букву. Так я слежу за ростом словарного фонда АТИЛЛЫ...
- Пусть он напишет рассказ с лирикомеланхолическим уклоном о солнце, и пусть все слова в этом рассказе начинаются с «с», сказал я.

Тотчас же мой спутник дал АТИЛЛЕ творческую программу, и тот заурчал и замигал своими зенками.

 Ну, друг АТИЛЛА, не подведи на этот раз, – ласково сказал писатель-ихтиолог в рупор. – Подушевнее, полиричнее сотвори.

Вскоре АТИЛЛА выполнил задание. Листок этот, равно как и предыдущий, и поныне хранится в моём архиве.

СОЛНЕЧНЫЙ САБАНТУЙ

Светозарное солнышко справляло свой сабантуй, светило сказочно светло, сияло самозабвенно. Самоцветно синела садовая сирень, старались сладкогласные соловы, стрекотали стрекозы, струилось ситро, сахарился сладкий сливовый сироп. Серебристым симптоматичным смехом синхронно смеялись совершенно счастливые супруги. Седовласая стерлядь скандировала стройные строфы сонета.

Солнце стало склоняться севернее, сгущались сизые сумерки. Смеркалось.

- Сукин сын! Слюнтяй! Солдафон! Стервец! сказала сому строгая солёная святейшая селёдка, сиротливо скучавшая среди салаки, скумбрии, сёмги.
- Сами скотина, склочница, симулянтка! Свинские слова слышу! смачно сплюнув, свирепо сказала сумасбродной соседке седоусая сметливая свежепросоленная сардинка, спокойно спавшая среди сетей.
- Собаки! Стрекулисты! Спекулянты! Сплетники! Сычи сонные! Сидни сидячие! Самодуры сиволапые! Скандалисты! Святотатцы! Скобари! Скопидомы! Скряги! Саботажники! Сутяги! степенно сказала совершеннолетняя самостоятельная севрюга, слушавшая спор.

Солнышко село, скапутилось, смылось, съёжилось. Стало совсем сумрачно.

Скоропостижно скончался сиг.

Сотворил АТИЛЛА

- Опять рыбы всякие! огорчённо сказал писательихтиолог. – И потом много каких-то непонятных слов.
- Но это же отжившие слова! Это слова из моего СО-СУДа, – пояснил я. – Ваш АТИЛЛА почему-то очень хорошо их усвоил и вводит в текст в непропорционально большом количестве.
- Неужели в старину люди употребляли столько ненужных слов? спросил мой новый знакомый.
- Не все ругательства были словами-пустышками, ответил я. Под некоторыми из них подразумевались вполне определённые отрицательные явления.
 - А что такое «сплетник», «скандалист», «спекулянт»?
- Это долго объяснять, ответил я. Когда выйдет из печати мой СОСУД, вы сможете узнать смысловое значение всех этих выражений.
- Не хотите ли ещё раз испытать моего АТИЛЛУ? с робкой надеждой в голосе спросил меня писатель-ихтиолог. К счастью, в этот миг в каюту постучал дежурный врач и пригласил нас в салон к телевизору, смотреть и слушать новое выступление Андрея Светочева. Выбрав из двух зол меньшее, я поспешил откликнуться на этот зов.

В салоне перед большим телевизором собрались все пассажиры-пациенты дирижабля-санатория. Вскоре на экране появился Андрей. Его сообщение показалось мне каким-то бесцветным. Он сообщил, что выступает только потому, что в его адрес поступает очень много вопросов. Он сделал только одно конкретное сообщение: для строительства Главной Лаборатории по созданию единого материала выделен пустынный островок в Балтийском море, в пятидесяти километрах от Ленинграда. Островок будет расширен за счёт намыва донного песка. Работы начинаются завтра.

Краткость и незначительность этого сообщения, вдобавок произнесённого каким-то усталым, невыразительным голосом, показались мне не предвещающими удачи моему другу.

13. Пресс-конференция. Встреча с Надей

Шла третья неделя моего пребывания в Новосибирске. Целые дни просиживал я в библиотеке, подбирая материал для своей Антологии, и дело уже близилось к концу. Однажды утром в читальный зал вошёл старший библиотекарь и пригласил всех желающих в телевизионный блок, сказав, что будет выступать Андрей Светочев. Я вместе со всеми направился к телевизору.

На экране возник Андрей. Он сидел в небольшом зале за столом, на котором стояло множество переводящих машин. Все кресла и все проходы в зале были заполнены людьми — это были главным образом корреспонденты. Происходило нечто вроде пресс-конференции. Вопросы задавались бессистемно, и я привожу их в таком виде и порядке, как их записал мой карманный микромагнитофон.

Андрей. Готов отвечать на ваши вопросы.

1-й корресп. Как вы относитесь к Олафу Индестрому? **Андрей.** С величайшим уважением.

2-й корресп. Однако ваше открытие, если оно будет осуществлено практически, опровергнет Закон Невозможности Олафа Индестрома?

Андрей. Да.

3-й корресп. Следовательно, будет создан материал, который позволит строить космические корабли, могущие проникнуть за пределы Солнечной системы?

Андрей. Да. Но это уж дело строителей и космонавтов. Меня больше интересуют земные и подводные дела.

4-й корресп. Как это понимать – «подводные»?

Андрей. Аквалид – так я назвал новый материал – даст возможность строить сооружения из воды под водой.

4-й корресп. Следовательно, человечество получит большую новую «жилую площадь» под океаном и может спокойно расти? Так это можно понять?

Андрей. Да. На дне океанов можно будет прокладывать тоннели, строить предприятия и возводить жилые города.

Длительная пауза. Затем все встают. Аплодисменты и возгласы восхищения.

После паузы.

5-й корресп. Почему ваша Опытная Лаборатория строится на острове? Почему не на материке, не в Ленинграде?

Андрей. Я сам просил об этом. Так безопаснее.

6-й корресп. Для кого безопаснее?

Андрей. Для города. Дело в том, что при практическом осуществлении моего проекта на одной из фаз производства аквалида существует опасность взрыва. Теоретически расчёты верны, но технологически я иду на некоторый риск.

7-й корресп. Если произойдёт взрыв – значит вы шли по ложному пути, и создание единого универсального материала останется недостижимой мечтой человечества. Так надо понимать?

Андрей. Нет. Не так. Повторяю: теоретически расчёты верны. Если произойдёт взрыв, то кто-то, идущий за мной, найдёт более верную технологическую схему.

8-й корресп. А как называется ваш остров?

Андрей. Пока это безымянный островок. Но я предложил назвать его Матвеевским островом в честь моего друга.

9-й корресп. Ваш друг – физик, химик, математик? **Андрей.** Нет. Он литературовед.

10-й корресп. Что натолкнуло вас на мысль о едином материале?

Андрей. Мне всегда казалось странным, что машины, корабли, дома, предметы обихода делаются из разных материалов. Уже в детстве это казалось мне нелепым, нерапиональным.

11-й корресп. Как идут работы на острове... на Матвеевском острове?

Андрей. Сейчас вы это увидите.

Андрей исчез с экрана. На экране появилось море. Мы как бы летим над ним. Вот показался островок. Вот он приблизился. Видны деревянные временные причалы, около них множество небольших судёнышек. Мы облетаем остров. Он невелик и пустынен. Вдали, мористее, видны землесосы, намывающие песок. На островке ещё нет капитальных зданий, только длинные пластмассовые бараки. Островок кишит людьми. Одни простыми лопатами копают котлованы, другие выравнивают линию берега, третьи, четвёртые, десятые тоже заняты земляными и прочими работами. Слышен гул, шум, звучат песни на разных языках. Работающие — главным образом молодёжь, всех национальностей и цветов кожи. Но встречаются и пожилые люли.

Затем остров исчез, и на экране снова появился Андрей. Корреспонденты опять стали задавать вопросы.

12-й корресп. Меня удивило, что на острове применяются столь примитивные орудия труда. Из какого музея извлекли вы эти лопаты, кирки, ломы?

Андрей. Я их ниоткуда не извлекал. Это они сами заказали их по старинным чертежам какому-то ленинградскому заводу, сами привезли их на остров.

13-й корресп. Кто «они»?

Андрей. Добровольцы. Они съехались со всех концов света.

14-й корресп. Но есть же на вашем острове современная техника для земляных работ. Ведь есть?

Андрей. Есть. Но они не дают ей работать. Они её оттеснили. Хотят работать сами, своими руками.

15-й корресп. Но ведь на острове есть врачи охраны труда. Слово врача – закон.

Андрей. Врачей они не слушаются. И потом добровольцев так много, что они работают не более часа. Так что здоровью это не вредит.

16-й корресп. Есть ли на острове травмы в результате применения несовершенных орудий труда?

Андрей. Крупных травм нет. Но есть ушибы, мозоли. Вчера один чилиец повредил лопатой палец на ноге.

17-й корресп. Надеюсь, его немедленно эвакуировали в больницу на материк?

Андрей. Не сразу. За почётное ранение друзья разрешили ему поработать ещё час вне очереди.

18-й корресп. Разрешая людям работать примитивными орудиями труда, вы сокращаете их МИДЖ. Как вы на это смотрите?

Андрей. Земляные работы скоро кончатся, и тогда за дело примутся специалисты.

19-й корресп. Попробуйте в краткой популярной форме изложить сущность своего открытия.

Здесь Андрей начал объяснять суть открытия, но говорил он столь невнятно и отвлечённо, что я ничего не понял.

В этот же день я решил съездить на местный почтамт. Выйдя на улицу, я остановил элтакси и дал адрес АВТОРу.

- С разговором везти? спросил АВТОР.
- Разумеется, с разговором.
- Недавно сегодня вёз двух мальчиков на воздушный вокзал, заговорил АВТОР. Одному визуально десять, другому одиннадцать лет. Из разговора понял, что бегут в Ленинград к Светочеву. За последние пять дней это тринадцатый и четырнадцатый мальчики, которые убегают из дому к Светочеву, используя мою машину. Считая с тремя девочками, убегавшими вчера, итого семнадцать детей.
- Только этого ещё не хватало! сказал я. Вы не должны способствовать бегству детей.
- Ни один механизм не имеет права вмешиваться в дела людей, давать им советы, поступать против их воли. Так гласит пункт седьмой, параграф третий.
- Не буду спорить, сказал я. Наставление есть наставление. Тем более, детей, конечно, задержат. Расскажите что-нибудь другое.
- Сегодня один человек вёз маленького человечка, но не ребёнка, на четырёх ногах. Несмотря на тёплую погоду

на маленьком человечке, но не ребёнке, сплошное синтемовое пальто без пуговиц. Человек называл маленького человечка Марией.

- Машкой, наверно, а не Марией?
- Не имею права употреблять именные уменьшительные. Пункт четвёртый, параграф девятый.
- Так это была просто кошка! Кошку можно называть Машкой.
- Человечек Мария прыгнула мне на голову и сказала так: «Мяу! мяу!» А человек снял его с моей головы и смеялся.

За беседой время текло незаметно, и вскоре я вошёл в зал почтамта. Первое, что мне бросилось в глаза, – это бесконечное количество стендов, на которых были выставлены марки. Решение Всемирного Почтового Совета о том, что каждый человек может выпускать свои марки, уже действовало: многие филателисты успели выпустить свои почтовые знаки и предлагали их на выбор всем желающим. Марки были самые разные. Очень много было женских портретов – это филателисты увековечивали своих возлюбленных. Хоть почта стала бесплатной, но по традиции на каждой марке была обозначена цена. Цену ставили кто во что горазд - от копейки до ста миллионов рублей. Я выбрал несколько марок для себя и несколько для Андрея и немедленно послал их ему, сопроводив коротким дружественным посланием. Затем я направился в Бюро Выполнения Желаний с целью заказать свою марку. Я уже решил, какой она должна быть. На марке я решил изобразить самого себя, держащего в руках рукопись СОСУДа. Направляясь через зал к двери бюро, я вдруг услышал своё имя, произнесённое приятным женским голосом. Я оглянулся и увидел – кого бы вы подумали, мой читатель? – я увидел Надю, ту девушку, с которой познакомился на Ленинградском почтамте при весьма странных обстоятельствах.

 Что вы здесь делаете? – удивился я. – Вы перевелись на Новосибирский почтамт? Неужели на вас так подействовал тяжёлый случай, имевший место на Ленинградском почтамте?

– Я здесь ничего не делаю. Просто зашла посмотреть, как здесь работают, – с улыбкой ответила Надя. И далее она пояснила, что приехала сюда в отпуск, ибо в Новосибирске живёт её брат.

Я в свою очередь поведал Наде, что приехал в Новосибирск поработать в здешней библиотеке.

– А как пополняется ваш СОСУД? – спросила Надя.

Признаться, мне весьма польстило, что она помнит о моей работе и интересуется ею, и я ей поведал, что СОСУД пока что не пополняется, ибо в Сибири совсем вывелись люди, умеющие ругаться, и что я в данное время занят Антологией.

- А сюда вы, видно, зашли как филателист? поинтересовалась Надя.
- И как отправитель письма. Только что я отослал письмо Андрею Светочеву человеку, благодаря которому мы с вами познакомились.
- Неужели это был Светочев? воскликнула Надя. Вот бы уж не подумала на него! Я ведь и не разглядела тогда, кто был моим обидчиком. Когда будете писать ему в следующий раз, пожелайте ему удачи и передайте от меня, что я нисколько на него не сержусь.
- Он уже наказан за свой проступок, сказал я. Ему пришлось убить зайца.
- Как?! Его наказали охотой? огорчилась Надя. Это так неприятно...
- Не волнуйтесь за него, мягко сказал я. Он обидел вас, он был послан в наказание на охоту, но благодаря сцеплению этих обстоятельств он встретил девушку, которую полюбил и которая полюбила его.
- Но почему вы не радуетесь этому? спросила Надя. –
 В вашем голосе мне послышалась грусть.
- Я рад за него и рад за неё, ответил я. Но за себя я не рад.

Надя ничего не сказала, не стала меня утешать, и мне это очень понравилось. Мы молча вышли из почтамта и тихо пошли по улице.

- Где вы остановились? спросила Надя.
- Так как я прилетел сюда на сравнительно долгий срок, то я остановился в гостинице.
- Переселяйтесь к нам, предложила Надя. Никто вас не будет беспокоить, и я в том числе. Квартира у нас сейчас почти пуста, все разъехались на лето. Брат мой тоже мешать вам не будет, он тихий.
 - А кто он, ваш брат?
 - Памятник, ответила Надя.
- То есть как это «памятник»? изумился я. Очевидно, вашу речь надо понимать иносказательно: ваш брат был каким-либо известным учёным, а затем скончался, и ему воздвигли памятник? Так? Но почему я не слышу в вашем голосе скорби по усопшему? При вашей привлекательной внешности такая бесчувственность не делает вам чести.
- Да живёхонек мой брат! засмеялась Надя. Он по специальности памятник, он разрабатывает вопросы усиления памяти.
- Век живи век учись, сказал я. И преуспевает ваш брат памятник на своём учёном поприще?
- Да. Несколько лет тому назад он сконструировал прибор, усиливающий память. Однако этот прибор нуждается в длительной проверке, и только после этого его можно будет пустить в массовое производство.
- Интересно было бы взглянуть на этот аппарат, сказал я.
- Вы его видите на мне, ответила Надя и коснулась пальцами своих серёг.
- Как, эти маленькие серёжки и есть упомянутый вами прибор?
- Да. В них вмонтированы два микроагрегата, которые создают вокруг моей головы усилительное поле.
 - А как называется этот аппарат? поинтересовался я.

- Полное его название Опытный Прибор Усиления Памяти. Сокращённо ОПУП.
- ОПУП! воскликнул я. Какое неблагозвучное название! Такие нелепо звучащие сокращения нередко употреблялись в двадцатом веке, но ныне, когда существует Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов-Добровольцев... Едва ли такой прибор будет хорошо работать¹.
- Я понимаю вас, перебила меня Надя. Но брат ещё не зарегистрировал свой прибор в Наименовательной Комиссии. А сам он не мог придумать ничего лучшего. Но в конце концов дело ведь не в названии.

Мы простились с Надей у подъезда её дома, а на следующий день я переехал в её квартиру и поселился в тихой угловой комнате. Брат её оказался человеком весьма спокойным.

Теперь я работал на дому. Набрав в библиотеке книг, я читал их и выбирал из них те стихи, которые, на мой взгляд, подходили для Антологии. Затем я читал их вслух, а МУЗА² их записывала. Однажды я засиделся за этой работой до поздней ночи, но не успел выполнить своей программы. Утром мне надо было сдать книги в библиотеку, как я обещал библиотекарю, но у меня осталось одиннадцать стихотворений одного автора, которые я не успел задиктовать. За завтраком я обратился к Наде с просьбой — не задиктует ли она МУЗЕ эти стихи в моё отсутствие, пока я пойду в библиотеку, чтобы отнести те книги, которые мне уже не нужны. А эту книгу я отнесу после обеда.

¹ Характерно для Ковригина, что в дальнейшем он восхищается Надиной памятью, приписывая это свойство лично Наде и как бы совсем не признавая, что девушка обязана этим изобретению своего брата. В этом весь Ковригин с его предвзятым отношением к технике, с его недоверием к научным новшествам.

 $^{^2}$ МУЗА (Модуляционный Ускоренно Записывающий Агрегат) — весьма несовершенный агрегат XXII века. Нечто вроде диктовальнопишущей машинки.

Надя охотно согласилась, но добавила, что я могу отнести и ту книгу, где помещены эти одиннадцать стихотворений. Она прочтёт их сейчас, запомнит и продиктует МУЗЕ в моё отсутствие.

- Ну, что вы говорите, Надя! возразил я. Разве может человек сразу, с бухты-барахты запомнить одиннадцать длинных стихотворений!
- А вот увидите, спокойно ответила девушка. Затем она быстро и, как мне показалось, даже не очень внимательно прочла помеченные мною стихи и вручила мне книгу: Несите спокойно в библиотеку.

Я понёс книги в библиотеку, но ту книгу я всё-таки не сдал, отсрочив её возвращение на день. Но каково же было моё удивление, когда, вернувшись, я нашёл на своём столе одиннадцать стихотворений, аккуратно перепечатанных МУЗОЙ в трёх экземплярах! Вынув из портфеля несданную книгу, я сверил текст. И что же? Я не обнаружил ни единой ошибки! Надя за несколько минут запомнила трудный старинный текст и безошибочно задиктовала.

- Надя! Надя! стал я её звать и, не дозвавшись, выбежал из комнаты. Я застал её в кухне, где она программировала ДИВЭРа к обеду.
- Надя! Я поражён вашей феноменальной памятью! воскликнул я.
- Да, память у меня хорошая, с улыбкой ответила девушка.
 Но ведь это благодаря изобретению брата... Если я могу быть иногда полезной вам в работе над Антологией, смело прибегайте к моей помощи.

И действительно, Надя с этого дня стала помогать мне в моей работе, и помощь её (конечно, чисто техническая) была весьма ощутимой. А осенью Надя стала моей женой.

14. В издательстве

Кроме женитьбы, эта осень ознаменовалась ещё одним важным событием в моей жизни. Я закончил составление

своей «Антологии Забытых Поэтов XX века» и отнёс рукопись в издательство, в Исторический отдел. Редактор отдела встретил меня весьма сочувственно и попросил зайти через неделю. Мой благосклонный читатель даже не будучи автором легко может себе представить, что я пережил за эти семь дней, ожидая решения своей судьбы. Меня утешало только то, что, как известно из истории, в старину авторы гораздо дольше ждали оценки своим трудам и порой месяцами пребывали в состоянии неизвестности, пока их рукописи читались в редакциях.

И вот ровно через неделю, явившись в издательство, я узнал, что рукопись моя получила положительную оценку. Правда, некоторые замечания были явно односторонни и необъективны, и тираж был назначен всего в пять тысяч экземпляров, но всё это меркло перед основным фактом: моя Антология будет издана, и литература планеты обогатится ещё одной ценной и нужной книгой. Когда схлынула первая волна радости, я обратился к редактору с просьбой дать прочесть мою рукопись какому-либо агрегату — быть может, тот будет более справедлив и объективен, нежели сотрудники отдела, и наметит мне больший тираж.

На эту мою скромную просьбу редактор ответил даже с некоторой обидой, что в его отделе, так же как и в прочих отделах издательства (за исключением поэтического), все рукописи читают люди, а никаких агрегатов нет.

- Почему же поэты исключаются из этого правила? спросил я. Почему им такое предпочтение? Ведь моя Антология тоже состоит из стихов, правда, авторов их нет в живых, ибо они жили давно, в двадцатом веке.
- Поэтов слишком много, и работники Поэтического отдела не справляются с нагрузкой, – ответил мне редактор. – Поэтому приходится применять агрегаты.

Далее он высказал мысль, что непрерывный рост культурного уровня и всеобщее высшее образование имеют, по его мнению, 999 достоинств и 1 недостаток. А недостаток этот заключается в том, что очень многие люди теперь пишут стихи и несут их в издательства, считая себя поэта-

ми, на деле не будучи ими. Правда, количество истинных поэтов тоже растёт, но в процентном и абсолютном отношениях их, как и всегда это было, гораздо меньше, чем людей, мнящих себя поэтами. И так как издательство силами людей не может справиться с наплывом рукописей, то оно вынуждено прибегать к помощи БАРСов¹, МОПСов², ВОЛКов³, ТАНКов⁴ и прочих вспомогательных агрегатов. Трудно приходится этим агрегатам — ведь обидеть человека ни один агрегат не имеет права, а правду говорить авторам он обязан, и эта правда порой горька. А тут ещё Специальная Наименовательная Комиссия, которая, как известно, состоит из Поэтов-Добровольцев, дала этим агрегатам такие устрашающие прозвища...

Я попросил редактора сводить меня в отдел поэзии, и он охотно провёл меня через тихие редакционные коридоры в большой и довольно шумный зал, у входа в который висело объявление:

«ПАЛКИ, ЗОНТЫ И ИНЫЕ ОПАСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПРОСЬБА ОСТАВЛЯТЬ В ПРИХОЖЕЙ»

- Какое зловещее предуведомление, сказал я редактору. Неужели в наш век возможны рукоприкладство, палкоприкладство и зонтоприкладство?
- Увы, от поэтов всего можно ожидать, ответил редактор. Правда, на людей они не покушаются, но агрегаты от них иногда страдают. Так, в минувшем году один молодой поэт ударил палкой БАРСа, когда тот сказал ему, что рифма «любовь вновь» существует уже четыреста лет и не является открытием этого автора. А в позапрошлом году одна начинающая поэтесса побила зонтиком МОПСа, когда тот отверг её стихи.

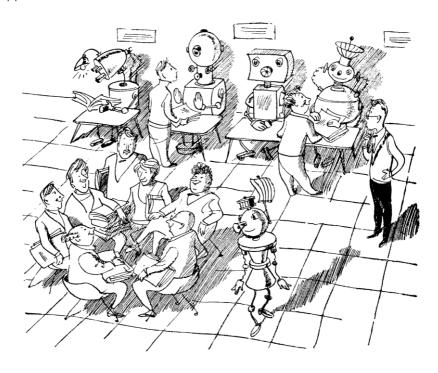
 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ БАРС – Беспристрастный Агрегат, Рецензирующий Стихи.

² МОПС – Механизм, Отвергающий Плохие Стихи.

³ ВОЛК – Всесторонне Образованный Лирический Консультант.

⁴ ТАНК – Тактичный Агрегат Нелицеприятной Критики.

– Никогда не думал, что в наше время могут процветать столь жестокие нравы, – сказал я. – Какое счастье, что, составляя свою Антологию, я имел дело не с живыми, а с давно почившими поэтами!

Тем временем перед нами растворились стеклянные двери, и мы вошли в зал. Тотчас же к нам подошла СЛАВА¹ и ласковым голосом спросила, чем мы намерены порадовать отдел поэзии — стихами или поэмой. Узнав, что мы ещё не написали стихов, она скромно отошла в сторону. Я стал разглядывать зал. Посреди этого зала стояли диваны и кресла, на которых сидели поэты. Они мирно беседовали меж собой, и жестокости в выражении их лиц я не заметил. По краям зала стояли столы, за кото-

¹ СЛАВА (Специализированный Логический Агрегат, Встречающий Авторов) – механизм XXII века; то же, что в древности секретарша.

рыми сидели БАРСы, ВОЛКи и МОПСы, все эти агрегаты вовсе не походили на зверей, имена которых присвоила им Наименовательная Комиссия. Это были обыкновенные специализированные механизмы, довольно хрупкие и безобидные на вид. Тем грустнее было мне увидеть над столами некоторых из этих агрегатов воззвания, свидетельствующие о том, что эти беззащитные механизмы порой подвергаются грубому обращению и даже побоям. Так, над МОПСом висел стишок, сочинённый, возможно, им самим:

Я всего лишь агрегат, Не причина бед. Бедный МОПС не виноват, Если плох поэт.

Не решаясь злоупотреблять далее любезностью моего спутника, я сказал ему, что дальнейший осмотр зала я продолжу один, и он ушёл. Я вмешался в толпу поэтов, и когда один из них подошёл с рукописью к МОПСу, я последовал за ним. МОПС очень быстро прочёл рукопись и начал её комментировать. Очевидно, от многократного общения с поэтами и плохими стихами он давно разучился говорить прозой. Произносил он свою речь-рецензию нараспев, мягким баритоном, стараясь не обидеть автора:

Стихи – сплошная вата, рифмовка слабовата, Читать их трудновато, жалею вас, как брата. Стихи рациональны, не эмоциональны, Отнюдь не гениальны, а выводы печальны. Шепну вам осторожно: печатать их не можно, Читатель нынче строгий, а стих у вас убогий. Творить вы не бросайте, но классиков читайте... Я не стал слушать продолжения и направился к агрегату по прозвищу ПУМА¹. Одновременно со мной к этому механизму подошёл человек средних лет и подал довольно толстую рукопись.

– Не просмотрите ли мою книгу «Вздохи и выдохи»? Сто сорок стихотворений...

ПУМА взяла рукопись и моментально прочла её.

- У ВОЛКа были?
- У всех был. И у людей, и у агрегатов. Недопонимают,
 уныло ответил поэт.
- «Вздохи и выдохи» можно издать тиражом в один экземпляр, – ласково сказала ПУМА. – Вас это устроит?
- А нельзя ли хотя бы два экземпляра? робко молвил малоталантливый поэт. И чтобы тираж на последней странице был указан в миллион экземпляров. Или даже больше.

«Какое безобразие! – подумал я. – В старину это называлось «очковтирательством» и «липой». Конечно, ПУМА откажет ему в этой дикой просьбе и сделает соответствующее внушение».

Но каково же было моё удивление, когда ПУМА ответила согласием на просьбу поэта!

– Хорошо, – сказала она. – Издадим «Вздохи и выдохи» условным тиражом в два миллиона и фактическим – в два экземпляра. Укажите, какую обложку вы предпочитаете, какой формат, какой шрифт и какой сорт бумаги, – с этими словами она подала малоталантливому поэту папку с образцами. – Выбирайте.

Возмущённый действиями поэта и агрегата, я поспешил к редактору-человеку отдела Поэзии. Не желая делать неприятности данному поэту, я задал вопрос в общей форме: бывают ли случаи, когда ПУМА ошибается и выполняет заведомо аморальные требования авторов? Так, например, может ли она, запланировав тираж в два экземпляра, указать в тексте книги, точнее в издательских дан-

¹ ПУМА – Прибор, Утешающий Малоталантливых Авторов.

ных, что книга вышла тиражом в два миллиона экземпляров?

К моему удивлению, редактор ответил, что ПУМА так и программирована.

- Агрегат программирован на ложь?! воскликнул я. Первый раз слышу такое!
- «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», процитировал редактор слова классика. И затем добавил: Этот обман никому не причинит зла. Поэт обманывает только себя, утешаясь этим обманом. И не надо его огорчать.
- Мне вообще непонятно, зачем издавать книгу, которую никто не будет читать, сказал я.
- Надо быть терпимым, проговорил редактор. Общество ныне настолько богато, что может издать поэту книгу, хоть обществу эта книга и не нужна. Почему бы не доставить радость человеку!

Признаться, такая логика показалась мне странной, и я ушёл от редактора, нисколько не убеждённый им.

«Хорошо всё-таки, что я не поэт, – подумал я. – И книга моя выйдет не условным миллионным тиражом, а самым реальным пятитысячным».

15. Остров моего имени

Зима в том достопамятном году была суровая. Нева стала рано, залив уже в ноябре покрылся льдом, и из моего окна видны были лыжники, скользящие по его поверхности. Мы с Надей жили теперь в том же доме, где и мои, и Андрея родители, — только в другой квартире. Моя Антология была сдана в набор, и я ждал корректуру, а тем временем принялся за новый труд — «Писатели-фантасты XX века в свете этических воззрений XXII века». Надя помогала мне в этой работе — разумеется, чисто технически. Её идеальная память нашла, наконец, себе должное применение. Андрея я давно не видел — я знал, что он очень за-

нят, и не хотел ему мешать. Все только о нём и трубили. Поэты сочиняли скороспелые вирши об Андрее Светочеве, где сравнивали его то с Прометеем, то ещё бог весть с кем; газеты посвящали ему целые подвалы с громкими шапками вроде «Эра моносырья», «Техническая революция» и т.д. Меня удивляла эта шумиха, она казалась мне несерьёзной и преждевременной: ведь самого-то аквалида ещё не было. Впрочем, зная характер Андрея, я был за него спокоен: все эти воздаваемые авансом почести ничуть не волновали его, и нужны они ему были, как собаке пятая нога, – да простит меня читатель за некоторую грубость этой старинной поговорки.

Надя уже не раз говорила мне, чтобы я съездил навестить Андрея на Матвеевский остров — остров моего имени. Однако, поглощённый своей работой, я всё откладывал эту поездку. Но, как в старину говорилось: «Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе». Однажды вечером Андрей навестил меня.

- Я к тебе с просьбой, начал он с места в карьер. Не поможешь ли ты мне пригладить одну статью? Я написал её для детского научно-популярного журнала, очень просили. Но я не умею излагать свои мысли в общепонятной форме. Ты прочти, почеркай. Ничего, что я от руки написал? У меня почерк разборчивый.
- Почерк-то у тебя разборчивый, ответил я, но ведь вся эта техническая премудрость мне непонятна.
- Да нет, я тут всё без формул изложил ведь это для детей. Тебе надо только причесать статью стилистически. Ведь у тебя хороший слог.
- Хорошо, я сделаю, что могу, ответил я. Но, кстати, почему Нина не взялась за это дело?
- Нина во многом мне помогает, но тут она побоялась быть необъективной. Ей почему-то нравится всё, что я делаю. Она сама посоветовала мне обратиться к тебе.

Когда Андрей ушёл, я прочёл статью и ничего, признаться, не понял. С помощью Нади и словарей я заменил

наиболее непонятные выражения, пригладил статью стилистически, но смысл её остался для меня тёмен.

 Ничего, – улыбнулась Надя. – Дети поймут. Ты просто закоренелый гуманитарий. Тут всё просто до гениальности.

Когда статья получила мою литературную обработку и я продиктовал её исправленный вариант МУЗЕ, Надя сказала мне:

- Почему бы тебе самому не отвезти её Андрею на остров твоего имени? Твой друг в твою честь назвал остров, а ты на нём не бывал.
- Нет, я завтра отошлю статью почтой, ответил я. На острове я хоть и не бывал, но отлично знаю его по телепередачам и фотографиям в газетах.

Надя как будто согласилась с моими доводами.

На следующий день – это был Надин выходной – мы с утра вышли на залив побегать на лыжах. Перед этим мы едва не поссорились, выбирая лыжи.

- Возьмём самодвижки, сказала Надя. На обыкновенных мне надоело кататься.
- Зачем же брать самодвижки, ведь на заливе нет гор,резонно возразил я.
 - А мне вот хочется на самодвижках!
 - Бог с тобой, как в старину говорилось, согласился я.

Мы вышли на залив и вскоре очутились у ледяной дороги, ведущей на остров моего имени. По ней двигались элмобили, элциклы – и все в сторону Ленинграда. Мы остановили один из элмобилей и спросили, почему это все едут с острова и никто не едет на остров.

- Разве вы не слышали спецсообщения? удивился один из пассажиров. – Оно передавалось полчаса тому назад.
- Изгнание из аквалидного рая, пошутил второй пассажир. – Рай становится опасным.
 - Вот как! засмеялась Надя. А мы как раз туда.

Она включила лыжи на самоход и помчалась по лыжне, шедшей параллельно ледяной дороге. Пришлось и мне включить самодвижки.

- Надя, ведь это далеко! воскликнул я, догнав её. И ведь все покидают остров.
- Но остров назван твоим именем. Тебя должны пустить на него, сказала Надя.
- Странная логика, подивился я. И потом уж если ехать на остров, то со статьёй, а я её с собой не взял.

Надя сняла рукавичку и приложила ладонь к своему лбу:

- Статья здесь, не беспокойся.
- Мы рискуем отморозить себе лица, сказал я. Смотри, какой сильный встречный ветер.
- И это предусмотрено, ответила Надя и вынула из кармана куртки две обогревательные маски.
- Надя, значит ты сознательно пошла на обман? удивился я. Ты обдумала эту поездку заранее!

- Милый, да как же иначе можно тебя выманить? засмеялась Надя. – Вот я и подстроила эту поездку.
- И всё-таки нехорошо обманывать. Помнишь, что мы учили во втором классе: «Малый обман это тоже обман. И капля, и океан едины в своей сути».

Вскоре показался Матвеевский остров, и мы увидели, что на льду возле берега с равными интервалами стоят УЛИССы¹. В своих металлических руках они держали аншлаги: «НА ОСТРОВ НЕЛЬЗЯ. СОСТОЯНИЕ ОПАСНОСТИ».

- Вот видишь, мы напрасно явились сюда, сказал я Наде. УЛИССы нас не пустят.
- Мы просто пройдём мимо них, возразила Надя. Ни один механизм не может применять силу против людей. Уж это-то я знаю, ведь мой брат этик-кибернетик.
- Нельзя злоупотреблять этим свойством агрегатов,
 строго сказал я. Механизмы слуги общества.
- Эвакуация закончена. На остров нельзя, сказал мне один из УЛИССов, когда я подошёл к нему. Но я попросил его найти Андрея Светочева и сообщить о нашем с Надей прибытии. УЛИСС пошёл вглубь острова и вскоре вернулся. Рядом с ним шагал Андрей. Он обрадовался нам, но удивлённо осведомился: разве мы не слышали чрезвычайного сообщения? Ведь завтра начнёт действовать Главная Опытная Установка по производству аквалида. Как известно, одна из стадий преобразования до сих пор технологически неясна. Только в результате практического опыта будет выяснено, верен ли этот узел технологического процесса. Короче говоря, может произойти взрыв.

Остров был совсем безлюден. Лишь иногда дорогу нам пересекали УЛИССы, идущие по каким-то заданиям. Корпуса, башни, какие-то непонятные строения, уступами идущие ввысь, окружали нас со всех сторон. Толстые тру-

¹ Напоминаем: УЛИСС – Универсальный Логический Исполнитель Специальной Службы, старинный механизм доаквалидной эпохи.

бопроводы, окрашенные самосветящейся краской, шли от здания к зданию, то стелясь по земле, то взбираясь на высокие фермы.

- Каким большим стал остров! сказал я. И сколько на нём настроили!
- Тут весь земной шарик потрудился, ответил Андрей.
 - А когда начнётся опыт? спросила Надя.
- Не бойтесь, я не прогоню вас с острова на ночь глядя,
 улыбнулся Андрей.
 Опыт начнётся завтра в десять утра. Намечалось начать в два ночи, но пришлось отложить
 Нина захворала.
- При чём здесь Нина? удивился я. И разве она не эвакуирована на материк?
- Нет. Захотела быть со мной во время опыта. Поскольку её решение твёрдо, она будет сидеть у дубль-пульта. Всё равно мне нужен помощник. А так в случае аварии мы сбережём чью-то жизнь.
- А много было добровольцев, желающих провести с тобой этот опыт?
 - Отбоя не было. Замучили меня просьбами.
- Но ведь стоять у этого, как ты говоришь, дубльпульта, наверно, не так уж просто. Наверно, нужны специальные знания?
- Никаких. Только здоровье, внимание и элементарная грамотность. Не техническая, а просто грамотность. Даже ты со своей нежной любовью к технике и глубочайшим её пониманием справился бы с этим, тяжеловесно пошутил Андрей.
 - А что с Ниной? спросил я.
- Вчера она каталась на буере и не рассчитала, налетела на торос. Ушибла плечо. Сидит дома и глотает порошки, а врача вызывать не хочет. Боится, что тот эвакуирует её с острова...
 - Вот мы и пришли, сказал Андрей.

Мы стояли перед одноэтажным домом, в котором жил Андрей. Не стану описывать вам этот дом – вы все его отлично знаете: там теперь филиал мемориального музея А. Светочева.

Мы вошли. Нас встретила Нина. Она очень похорошела с той поры, когда я расстался с нею. Правда, она была бледна, но и это к ней шло. Плечо у неё, видно, болело сильно, но она крепилась. Я познакомил её с Надей. С огорчением я заметил, что они друг другу не понравились. Не то, чтоб между ними возникла неприязнь, — нет, они просто не нашли общего языка. И даже когда Надя на память продиктовала МУЗЕ исправленную мною статью Андрея, Нина нисколько не восхитилась её феноменальной памятью. Сама же статья понравилась и Нине, и Андрею.

После ужина Надя сразу же ушла спать в отведённую нам комнату. Нина осталась в столовой-гостиной, а мы с Андреем пошли в его рабочую комнату. Он засел за какието чертежи и таблицы, я же принялся рассматривать его альбом с марками. Это длилось довольно долго.

- Иди-ка ты лучше спать, сказал я Андрею, утро вечера мудреней. И потом есть такая старинная пословица: «Перед смертью не надышишься». Только не пойми её буквально.
- Ты завтра увези этот альбом с собой, проговорил Андрей. Если что-нибудь со мной случится бери себе. А если всё будет в порядке верни. Чур, не зажиливать!
- Ладно, возьму, так и быть, ответил я. И честно верну. Очень нужны мне твои аляповатые зверюшки!
- От портретника слышу! Бей портретников! Он вскочил со стула, схватил с дивана подушку и ударил меня по голове. Я схватил другую подушку, и началась катавасия, как в старину говорилось.
- Развозились, как маленькие! с притворной строгостью сказала Нина, войдя в комнату. Весь дом трясётся.
- Не мешай, Нина, идёт бой между добром и злом! крикнул Андрей, принимая мой очередной удар подушкой и пытаясь нанести мне ответный.

В это время кто-то постучал в наружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: люди имели право входить без стука.

– Можно, – сказал Андрей, выходя в прихожую.

Дверь открылась, и в клубах морозного пара появился УЛИСС.

- Срочное сообщение, изрёк он. В супер-реакторе номер три обнаружил неполадку.
- С этим надо обращаться к ЭЗОПу¹, строго сказал Андрей. Сколько раз говорил, что вопросы, степень важности которых ниже градации «В», меня не интересуют.
- Выслушал. Иду к ЭЗОПу, бесстрастно ответил УЛИСС и вышел, аккуратно закрыв за собою дверь.
- Удивительно бестолковы эти УЛИССы, посетовал Андрей. Горе мне с ними. И когда, наконец, мы избавимся от этой допотопной техники!

Не прошло и минуты, как наружная дверь снова открылась, и в прихожую без стука вошёл другой агрегат. Он был невелик – ростом с десятилетнего ребёнка, за плечами его поблёскивали сложенные крылья.

- Почему вы вошли без стука? строго спросил я его. Много воли вашему брату-агрегату дают!
- Мне разрешено без стука, с некоторой обидой ответил механизм и затем, обратясь к Андрею, сообщил: Накопление субстрата идёт нормально. Но в главном корпусе, в узле дельта сто семнадцать, обнаружил неполадку.
- Сейчас иду, ответил Андрей. Затем, обратясь ко мне, сказал: Это ЭРОТ², новинка нашей техники. Ему разрешено входить без стука. А ты не хочешь посмотреть Главный корпус?

¹ ЭЗОП (Электронный Заместитель Организатора Производства) – довольно совершенный для своего времени агрегат. Впоследствии заменён ЭЗОПом-2.

² ЭРОТ (Электронный Разведчик Облегчённого Типа) — один из наиболее совершенных агрегатов доаквалидной эпохи. Ныне на Земле не применяется, но в изменённом и усовершенствованном виде, выполненный из аквалида, работает на радиоактивных плато Марса.

- Почему же нет, охотно посмотрю, с готовностью ответил я, чтобы не огорчать Андрея.
- Я тоже, пожалуй, пройдусь с вами, сказала Нина. –
 Похожу может, и плечо пройдёт.
- Ничего себе способ лечения, молвил я, набрасывая Нине на плечи синтемовую шубку. Медицина на уровне шаманов. Тебе надо просто вызвать врача.

Но она пропустила мои слова мимо ушей – это было в её духе.

Мы вышли из дома на мороз. Красный вращающийся прожектор горел на мачте, и весь остров был залит красноватым тревожным светом. Впереди нас молча шагал странный агрегат со сложенными крыльями. В нём чувствовалась какая-то неприятная самостоятельность, даже самоуверенность.

 Мы отлично знаем дорогу, – сказал ему Андрей, – а вот в Главном корпусе надо включить свет.

ЭРОТ легко оттолкнулся от земли, расправил крылья и полетел.

Когда мы вошли в это здание, меня поразила его величина: снаружи лаборатория не казалась такой большой. Огромный ярко освещённый зал уходил вдаль. По обеим сторонам прохода стояли какие-то чудовищные машины и сооружения. У приборов, следя за циферблатами, молча стояли дежурные УЛИССы. Вверху, под прозрачной крышей, где переплетались тысячи кабелей и трубопроводов, беззвучно летали два ЭРОТа.

Андрей пошёл в дальний конец зала, и вскоре его не стало видно: он совсем затерялся в этом механизированном пространстве. Нина подвела меня к столу-пульту, на котором было множество цветных кнопок, и села в кресло.

- Вот здесь я завтра буду работать, беспечно сказала она.
 Буду в определённое время нажимать кнопки.
 - А ты не запутаешься? спросил я.

– Нет, ведь есть схема, – она вынула из выдвижного ящика большую наклеенную на картон таблицу. – Вот здесь всё показано. Ребёнок – и тот не спутает.

Действительно, на таблице были изображены те же самые кнопки, что и на пульте, и указано время, когда надо нажимать на каждую из них.

- А это что за большая красная кнопка?
- Это кнопка критического перепада. Та самая.
- И ты нажмёшь на неё?
- Нажму, улыбнулась Нина.
- У тебя совсем больной вид, сказал я. Очень болит плечо?
- Побаливает, неохотно призналась она. Но к завтрему всё пройдёт.

16. Красная кнопка

Утром меня разбудила Надя.

– Вставай, иди завтракать. Я уже позавтракала. Скоро нам надо отправляться домой.

Я встал, глянул в окно. За ночь потеплело, шёл снег. Уже светало, но тревожный красный свет вращающегося прожектора по-прежнему падал на остров моего имени. Было очень тихо.

За завтраком я внимательно смотрел на Нину. У неё был совсем больной вид. Я так прямо и сказал ей об этом, но она промолчала.

- Да, придётся вызывать добровольцев и выбирать из них наиболее подходящего, – молвил Андрей. – Выбрать такого не особенно трудно – был бы человек с крепкими нервами.
 - А я? обратился я к Андрею.
 - Что ты? удивился Андрей.
- Я и есть такой человек. Правда, не слишком технически грамотный, но с крепкими нервами.

- А ты представляешь, как это рискованно? тихо спросил Андрей.
- Ну, представляю... Но почему кто-то другой должен рисковать, а не я? Ведь естественнее пойти на это именно мне. Как-никак мы с тобой друзья.

Андрей задумался. Потом сказал:

- Ты меня устраиваешь даже больше, чем кто-либо другой. Ведь пульты отстоят далеко один от другого, а с тобой мы можем вести мыслепередачи. Это удобнее радио и телесвязи и удобнее, чем телефонная связь.
- Вот всё и устроилось, сказал я Нине. Ты спокойно можешь лететь в Ленинград вместе с Надей.
- В это мгновение без стука открылась дверь. Вошёл ЭРОТ. На его сложенных крыльях блестел снег. Снег таял и стекал на пол.
- Явился по распоряжению ЭЗОПа, сказал агрегат. Ёмкости заполнены субстратом. Через двадцать три минуты необходимо вводить в действие систему «А».
 - Принял и понял, ответил Андрей.

ЭРОТ вышел, оставив на полу влажные следы.

«Не потрудился даже отряхнуть с себя снег, перед тем как войти к людям, – подумал я. – До чего специализирован, до чего избалован!»

Я пошёл в отведённую нам с Надей комнату и объяснил Наде, в чём дело. Узнав о моём решении, она заплакала. Затем спросила:

- Но ты веришь, что всё обойдётся благополучно?
- Сказать по правде, не очень, ответил я. Андрей неудачник. До этого у него были неудачи маленькие, средние и большие. Теперь, вероятно, его ждёт полное крушение. Но когда у друга беда, надо быть с ним рядом.
- Да, ты прав, сказала Надя сквозь слёзы. Но я верю, что всё кончится хорошо.
- Будем надеяться, ответил я. Если же со мной чтолибо случится, то постарайся, чтобы работу над СОСУДом продолжил достойный преемник. Что касается корректу-

ры Антологии, то все надежды я возлагаю на тебя и на твою память.

Вскоре прибыл легколёт. Надя улетела на нём одна. Нина лететь отказалась, несмотря на то, что присутствие её на острове моего имени было теперь не только не обязательно, но и просто бессмысленно.

Когда Надя села в кабину рядом с ЭОЛом, я шепнул ей:

- Пожелай нам удачи.
- Ни пуха, ни пера, громко сказала Надя.
- Убирайся к чёрту! ответил я. Нина с Андреем удивлённо посмотрели на меня.
- Это так полагается, пояснил я им. В данном случае это не ругательство, а нечто вроде заклинания.

Вскоре мы с Андреем отправились в Главную лабораторию, а Нина пошла в дом. Она решила прилечь. Выглядела она совсем неважно.

Без десяти минут десять я сел за дубль-пульт. Андрей пошёл в другой конец огромного зала, чтобы занять место у главного пульта.

В 10.00 я включил первую кнопку. Она была зелёного цвета. Весь зал наполнился глухим вибрирующим гудением. УЛИССы, стоящие у приборов, на минуту подняли вверх металлические руки — в знак того, что системы действуют нормально. ЭРОТ легко спланировал откуда-то изпод стеклянной крыши, где извивались бесчисленные трубопроводы и кабели, и, встав на мгновение перед пультом, расправил крылья, которые светились зеленоватым светом.

– Неполадок в узлах нет, – доложил он и опять взвился вверх.

Затем из круглого люка в полу выполз механизм, какого я никогда и не видывал. Он был облицован пластмассовой чешуёй и полз, как змея. На хвосте у него был крючок. Плавно извиваясь, подполз он к подножию пульта и поднял голову; за металлической обрешёткой головы светился круглый зелёный глаз.

- Подземное хозяйство в порядке, отрапортовал агрегат-змея. Вводы силовых кабелей в порядке, контакты группы «Бета» в порядке. Распоряжений нет?
- Раз всё в порядке, то какие могут быть распоряжения,
 резонно ответил я.
 Можете ползти обратно.

Через восемь минут после включения первой кнопки я согласно лежащей передо мной схемы нажал вторую – белую. Гудение в зале перешло в другую тональность.

В эту минуту я услыхал мыслесигнал Андрея.

- Ну как? поинтересовался Андрей.
- Всё в норме, ответил я. В этой работе действительно нет ничего сложного. Я не против неё, но удивляюсь: почему ты не поручил это дело какому-нибудь там ЭРОТу или УЛИССу?
- Дело слишком ответственное, ответил Андрей. –
 Человек это человек, а агрегат это только агрегат.
- Мне вообще не совсем понятен этот принцип дубляжа, сказал я. Ведь у тебя точно такой же пульт и те же самые кнопки, что и у меня. Только не подумай, что я хочу уйти на попятный двор, как в старину говорилось. Просто

мне это странно. Или это просто перестраховка – было в древности такое понятие?

- Не перестраховка, а страховка, ответил Андрей. Процесс преобразования, как я тебе уже говорил, длится сорок пять часов тридцать девять минут. За это время ктото из нас может устать, сделать ошибку невнимания. Но так как нас двое, то ошибка почти исключена.
- Что ж, один ум хорошо, а два лучше, согласился
 я. А скажи, как называется агрегат-змея, который ко мне приползал?
 - ПИТОН¹, ответил Андрей. Всё?
 - Всё. Мыслепередача окончена.

В 10.27 я нажал третью – синюю кнопку. В 10.49 – жёлтую. В 11.04 – какую-то полосатую. Всё шло как по маслу – по старинному выражению. Между нажатиями на некоторые кнопки интервалы были всего шесть-восемь минут, но были и в сорок минут, и в час десять. В один из таких перерывов я успел сходить в душ, в другой успел пообедать с Андреем. Время от времени прямо к пульту подходил САТИР² и приносил еду и горячий чай. Изредка мы вели мыслепереговоры с Андреем, подбадривая друг друга. Так прошёл день, и так прошла ночь.

- Сутки отдежурили, поздравляю! сообщил мне Андрей в 10 утра.
- День и ночь сутки прочь, ответил я старинной поговоркой. Как ты себя чувствуешь?
 - Хорошо, ответил Андрей. А ты?
 - Тоже хорошо. А как Нина?
- Сейчас говорил с ней и видел её по видеофону. Лежит. По-видимому, у неё не только сильный ушиб, но и простуда.

¹ ПИТОН (Подземный Исследователь-Техник, Обнаруживающий Неполадки) – старинный агрегат, давно снят с производства.

² Напоминаем читателю: САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) – примитивный агрегат начала XXII в. Нечто вроде древнего официанта.

- Отправь её, пока не поздно, на материк, дружески посоветовал я.
- Да разве она послушается! ответил Андрей. Ты же знаешь её... Всё?
 - Всё. Мыслепередача окончена.

Прошёл и этот день, наступила вторая ночь нашего бдения. Было нажато уже много кнопок самых различных цветов и оттенков. В 2 часа 05 минут ночи я нажал чёрную кнопку. Следующая была красная — та, от которой зависело многое. Её надо было нажать через двадцать пять минут после чёрной.

- Ну как? спросил меня по мыслепередаче Андрей. –
 Как ты себя чувствуешь? Не страшно?
 - Страшновато, ответил я. Но что ж поделаешь.
- Мне тоже страшновато, сказал Андрей. Желаю счастья. Всё?
 - Всё. Мыслепередача окончена.

Я не слышал, как к пульту подошла Нина.

- Хочу посмотреть, как вы тут, сказала она, лёгким движением сбросив на барьер пульта синтемовую шубку.
- Ты выбрала самое подходящее время, не без иронии заметил я. И какое на тебе нарядное платье! Точно на бал.
- Еле напялила его, так плечо болит, улыбнулась Нина. Но как-никак торжественный случай. А у тебя тут всё в порядке?
 - Всё в норме.
 - И змей-горыныч приползал?
 - Ты имеешь в виду ПИТОНа? Приползал.
- Он очень смешной. Раз я нацепила ему на хвост бумажку, он так с нею и уполз в своё подземелье.
- Нехорошо издеваться над механизмами, сделал я замечание Нине. Механизмы служат обществу.
 - А ты всё такой же.
 - Уж какой есть, ответил я.

– Ну, до свиданья. – Нина перегнулась через барьер и торопливо поцеловала меня. – Вот так. Будь счастлив!

Она пошла по голубоватым плиткам пола в другой конец зала, к Андрею. Лёгкой походкой в ярком оранжевом платье проходила она мимо УЛИССов, настороженно стоящих у непонятных мне приборов, мимо этого нагромождения техники, мимо всего того, что через несколько минут могло нас убить.

Но пришло время нажать на красную кнопку. Я положил на неё палец и подумал: «Что я сейчас почувствую? Наверно, ничего не почувствую. Всё произойдёт мгновенно. В таких случаях напоследок люди всегда вспоминают что-то очень важное — так я читал в книгах. Что мне надо вспомнить — Надю, Антологию?»

Я нажал на красную кнопку и вспомнил в этот миг Нину. Вот она стоит у невысокого песчаного обрыва, отражаясь в тихой воде озера...

17. Аквалид есть!

Кнопка была утоплена мною в её гнезде до конца. Но ничего не произошло. Только гул в зале стал громче. Он шёл волнами, то замирая, то нарастая. Казалось, все эти бесчисленные агрегаты с трудом, задыхаясь, лезут куда-то в гору. УЛИССы, стоящие у приборов, подняли на минуту свои металлические руки в знак того, что всё в порядке. Из стеклянного поднебесья слетел ЭРОТ и, расправив крылья, отрапортовал:

Узлы системы «Омикрон-два» вступили в действие.
 Неполадок нет.

Я связался с Андреем по мыслепередаче и поздравил его с тем, что опасность миновала.

- Да, теперь всё ясно, ответил он. Аквалид будет.Ты очень устал?
- Потерплю, сказал я. Ведь осталось всего четыре часа.

И вот в 7.39 была нажата последняя кнопка – белая с зелёным восклицательным знаком. После этого я откинулся на спинку кресла и задремал под негромкий гул агрегатов – этот гул был теперь ровным, убаюкивающим. Потом сквозь дрёму я различил какие-то новые звуки. Гдето далеко, в середине зала, что-то падало через равномерные промежутки времени – падало с каким-то не то металлическим, не то стеклянным звоном. И вдруг я почувствовал, что кто-то коснулся моего плеча. Я открыл глаза. Передо мной стояла Нина.

- Вставай, соня, сказала она. Аквалид пошёл!
- Кто пошёл? Куда пошёл? не понял я спросонок.
- Ах, да идём же! Какой ты чудак!

Я окончательно проснулся, поглядел на Нину и увидел слёзы в её глазах.

- Что-нибудь опять неладно? спросил я. Ты плачешь.
- Да нет же, всё чудесно. Я так рада за Андрея! Уж и поплакать нельзя...
- Ну, плакать надо было раньше, резонно заметил я.
 Часа так четыре тому назад. И, встав с кресла, пошёл следом за Ниной.

Мы долго шли по залу, затем свернули в какой-то закоулок. Здесь у стены стояли сменившиеся выключившиеся УЛИССы, они будто спали стоя. Смежив крылья и прислонившись к могучим УЛИССам, словно малые дети, спали ЭРОТы. У их ног с потухшими линзами, без движения лежали ПИТОНы.

– Сонная семейка, – сказала Нина и походя дала щелчок ЭРОТу прямо по лбу. Я хотел было сделать ей замечание и напомнить, что механизмы – слуги общества и их надо уважать, но промолчал. Я знал, что она просто засмеётся в ответ. Такой уж был у неё характер, на всё она смотрела по-своему.

Мы шли по направлению к тем ритмичным звукам, к звонким ударам падения, которые я слышал сквозь сон ещё у пульта. Звуки эти всё приближались. Вот мы сверну-

ли в коридор между какими-то машинами, и я увидал Андрея. Он осунулся, глаза ввалились. Он стоял перед большим агрегатом, а из квадратной пасти этого агрегата в металлический ящик, стоящий на полу, со звоном падали какие-то кирпичики, похожие на лёд. Один такой брусок был у Андрея, и он его перебрасывал с руки на руку, словно боясь отморозить пальцы. У меня мелькнула мысль, что всё это сплошная ошибка, что вместо своего пресловутого аквалида Андрей получил самый обыкновенный лёд. Боясь высказать эту мысль, я нагнулся над ящиком и схватил брусок. Но, схватив, я тотчас же выронил его. Брусок оказался горячим, обжёг мне пальцы. Он тяжело, с глухим звоном упал на пол и не разбился.

- На, возьми мой, он уже остывает, глухо сказал Андрей и сунул мне в руку свой кирпичик. Я взвесил его на руке он был весьма тяжёл. Потом оглядел его со всех сторон. Это было похоже и на лёд, и на полупрозрачный металл, и на стекло, а вообщето говоря, ни на что не похоже.
 - Значит, это и есть аквалид? спросил я.
- Да. Это аквалид градации «А». Можно получить всякие другие разновидности, с другими свойствами. Но пока будем испытывать этот. Сейчас пойдём к КАИНу¹. За ним будет последнее слово.

По крытому переходу мы направились в соседнее здание. Стены перехода были прозрачными, за ними лежали сугробы. На них ложился зелёный свет вращающегося прожектора. Состояние опасности кончилось.

Мы вошли в зал, посредине которого возвышался огромный агрегат. Он уходил далеко вглубь зала, нам видна была только его лицевая сторона с двумя круглыми большими циферблатами. Над ними белел телеэкран, а внизу чернело квадратное отверстие. Всё это напоминало лицо какого-то сердитого великана.

¹ КАИН (Катастрофический Агрегат Испытания Надёжности) был весьма нужным для своего времени, но утратил значение с открытием аквалида. Ныне экспонируется в Мемориальном музее А. Светочева.

– Сейчас КАИН не пожалеет сил, – сказал Андрей и швырнул брусок аквалида в квадратную пасть агрегата. Тот глухо заурчал, потом взревел; я ощутил, как пол дрожит у меня под ногами. На телеэкране стало видно, что происходит с бруском в чреве КАИНа.

На брусок спускались стальные молоты, в него пытались вонзиться алмазные свёрла, его схватывали клещи из сверхтвёрдых сплавов. КАИН то раскалял брусок, то бросал его в жидкие газы, охлаждённые почти до абсолютного нуля. Он погружал его в кислоты и щёлочи, вталкивал его во взрывную камеру, подвергал губительным излучениям. Наконец он взревел, словно в злобе на своё бессилие, и умолк. Из его пасти на пол упал брусок. Андрей поднял его. Аквалид был точно таким, как до испытания. На нём не было ни единой царапинки.

18. Корабль приспускает флаг

Все последующие месяцы, вплоть до июля, я усиленно работал над новым своим литературно-исследовательским трудом «Фантасты XX века». Мои читатели, впоследствии ознакомившиеся с этой значительной (смею думать – не только по объёму) книгой, едва ли поверили бы, что это монументальное исследование я создал за столь короткий срок.

Всецело поглощённый работой, я за все эти месяцы ни разу не смог побывать у Андрея на острове моего имени. Впрочем, я отлично знал, что друг мой жив и здоров. Стоило включить телевизор или развернуть газету – и сразу можно было наткнуться на его имя. Эпоха аквалида уже началась. Во всём мире строились заводы по производству единого материала, и Андрей работал над упрощением и усовершенствованием технологического процесса.

Однажды, совершая прогулку, мы с Надей остановились у памятника творцу Закона Невозможности Олафу Индестрому. Памятник высился всё такой же мрачный, но

медная доска с формулой закона была с пьедестала снята, ибо закон этот был опровергнут Светочевым. В таком виде памятник стоит и поныне.

В школах и институтах вводился курс аквалидоведения. Свёртывалась металлургическая промышленность. Открывались массовые курсы по переквалификации металлистов, керамиков, химиков, строителей, деревообделочников и многих других специалистов. К счастью, мне не надо было менять своей профессии.

В конце июня вышла из печати моя Антология. С прискорбием должен сказать, что она не встретила достойного отклика. Многие журналы сделали вид, что не заметили её, в других же появились небольшие статейки. Их авторы с энергией, достойной лучшего применения, обвиняли меня в узости взглядов, в том, что якобы я обедняю поэзию XX века. Но так или иначе Антология вышла в свет, и я был весьма доволен этим крупным событием, оставив на совести критиков их недостойные нападки на мой капитальный труд.

Накануне того достопамятного и печального дня, о котором пойдёт речь в этой главе, Андрей связался со мной по мыслепередаче и пригласил меня на следующий день к себе, на остров моего имени. Он сообщил мне, что будут производиться испытания подводного тоннелепрокладчика. Не желая огорчать друга своим отсутствием, я согласился, хоть мне был дорог каждый час.

Встав на следующее утро, я не пожалел, что принял приглашение Андрея. Погода была прекрасная, на небе ни облачка. Простившись с Надей, которая в этот день не могла сопровождать меня, и взяв портфель, в котором лежал экземпляр Антологии с дарственной надписью (предназначавшийся Нине и Андрею), я вышел из дому и направился к берегу, до которого от моего жилища рукой подать. Здесь, спустившись на бон лодочной станции, я выбрал себе голубую электромоторку и стал отвязывать её от причала.

В этот миг ко мне подошёл дежурный САМСОН¹. Предостерегающе прогудев, он поднял правую руку, и на металлической её ладони зажёгся красный огонёк. Это был знак запрета. Другой рукой САМСОН указал мне на берег, точнее на кабинку, где находилась электронная метеокарта. Я поглядел на небо, на горизонт. Нигде не было ни единого облачка. Придя к выводу, что САМСОН ошибся, я отвязал конец и сел в лодку.

Уважаемый мой читатель! Никто никогда не мог обвинить меня в невыполнении каких-либо правил, и ко всем механизмам я всегда относился с должным уважением, памятуя, что они слуги общества. Но с этим САМСОНом № 871 у меня были личные счёты. Ещё в дни моего безмятежного детства этот САМСОН № 871 не раз портил мне настроение, запрещая садиться в лодку при малейшем волнении на море. Уже и тогда этот агрегат был стар и бестолков, а даром речи он вообще снабжён не был. Поэтому я решил пренебречь его сигналами и, включив двигатель, отчалил от берега.

Море лежало передо мной гладкое, словно лакированное, без единой морщинки, и очень пустынное. Ни одного корабля не заметил я ни вблизи, ни у черты горизонта. Я не придал этому значения, целиком занятый своими мыслями.

Когда я подходил к острову, подул лёгкий ветерок с юго-запада. Мне показалось это даже приятным — слишком жарко было до этого. Привязав лодку, я вступил на остров своего имени. Меня удивило, что он безлюден. Остановив пролетавшего мимо ЭРОТа, я спросил, где же все люди.

ЭРОТ снизился, сложил крылья и встал передо мной, как лист перед травой, – как говорили наши прадеды, и довольно толково объяснил мне, что все люди сейчас на-

¹ САМСОН (Самодвижущийся Агрегат Метеорологической Службы Общественного Назначения) – старинный агрегат, считавшийся несовершенным уже в дни молодости автора.

ходятся на Опытном поле, где скоро начнутся испытания НЕПТУНа¹.

Боясь заблудиться среди всех этих корпусов, башен и иных непонятных сооружений, я попросил ЭРОТа указать мне дорогу, что тот и исполнил. Он полетел впереди меня, и через некоторое время я очутился на большой немощёной площади, которая находилась в отнятом у моря пространстве за зданием Главной лаборатории. На площади толпилось много народу, а посреди неё возвышалось зеленоватое чудовище метров пятнадцати в длину и метра четыре высотой.

- Это и есть пресловутый НЕПТУН? спросил я какого-то человека.
 - Да, это НЕПТУН.

Тогда я поблагодарил ЭРОТа за внимание и отпустил его лететь по своим делам, а сам, лавируя среди зрителей, подошёл к НЕПТУНу поближе.

Агрегат напоминал гигантскую ящерицу, только без ног. Сделан он был из аквалида. Всё тело чудища было усеяно маленькими круглыми отверстиями, а внизу, у самого брюха, виднелось нечто, напоминавшее жабры. Туловище оканчивалось гибким плоским хвостом на валиках. Здесь, на хвосте, был расположен небольшой пульт с кнопками, циферблатами приборов и прочей премудростью, а дальше шло несколько рядов сидений, нечто вроде скамеечек, на трёх человек каждая.

Вскоре я увидал Андрея. В сопровождении учёных и журналистов он вышел из-за противоположной стороны НЕПТУНа и подошёл к пульту, что-то объясняя своим спутникам. Лица многих из этих людей были мне хорошо знакомы по книгам, газетам, журналам и телепередачам. Здесь находились все научные светила нашей планеты, а также несколько знаменитых космонавтов.

¹ НЕПТУН (Новейший Единоматериальный Подводный Тоннелепрокладчик Учебного Назначения) – первый агрегат подводного типа. Ныне экспонируется в Музее имени Светочева.

При появлении Андрея послышались приветственные возгласы, толпа зрителей зашевелилась, и получилось както так, что я очутился в первом ряду. В эту минуту Андрей, оторвав взгляд от пульта, выпрямился и поглядел на зрителей. Тут наши взоры встретились. Выйдя из окружения учёных светил, Андрей подбежал ко мне, схватил за руку и подвёл к НЕПТУНу.

– Ты как раз вовремя, – сказал он. – Сейчас побываешь под водой и не промокнешь. Будем испытывать агрегат. А что у тебя в портфеле?

Я пояснил ему, что в портфеле лежит экземпляр моей Антологии с дарственной надписью:

- Но я хотел бы вручить книгу сразу вам обоим и Нине, и тебе. А где Нина?
- Полчаса тому назад уехала на островок № 7 проверить записи приборов.
 - А скоро она вернётся?
- Часа через полтора. Я нарочно послал её на этот островок. Она хотела покататься на лодке вокруг нашего острова, а я ей сказал:
 Уж если хочешь покататься, то поезжай на островок № 7, сними показания.
 - Там что, важные какие-нибудь приборы?
- Вовсе нет. Просто она очень устала от гостей. Пусть отдохнёт от них, побудет подольше в море. Одолевают нас гости.
- Но разве ей не интересно присутствовать на испытании НЕПТУНа? Или это, быть может, небезопасно?
- Абсолютно безопасно. А на испытаниях она уже была. Мы третьего дня провели негласное испытание. А сейчас будет показательное для всех.

Меж тем лёгкий ветерок, который я едва ощутил при прибытии на остров моего имени, стал сильнее. С югозапада надвигалась туча. Какая-то смутная тревога закралась в мою душу. Я вспомнил, как уговаривал меня САМСОН не выходить в море.

– Андрей! Идём к спасательному катеру! Отмени испытание, – сказал я.

Андрей побледнел – моё волнение передалось ему.

– Объявите всем, что испытания НЕПТУНа откладываются, – тихо сказал он лаборанту.

Мы побежали к пристани. Здесь дежурный САМСОН N° 223 поднял руку с красным огоньком на ладони и не хотел пустить нас на спасательный катер. Но нам было не до САМСОНа. Мы отчалили, включив двигатель на полную мощность и дав приборам курс на островок N° 7.

Меж тем ветер крепчал. По заливу шли волны. На них уже появились белые гребни. Тучи заволокли всё небо. Стало темно.

– Я сам послал Нину навстречу этой непогоде, – сказал вдруг Андрей. – Когда я посоветовал ей поехать на островок № 7, я сидел за рабочим столом, а за моей спиной была электронная метеокарта. Я даже не обернулся, не посмотрел, какой дан прогноз на ближайшие часы. Небо с утра было такое ясное...

Увы, небо перестало быть ясным. Ветер всё нарастал. По морю шли уже не волны, а валы. Наш катер бросало, он зарывался носом в воду, вода перехлёстывала через фальшборт на палубу. Капли дождя и брызги, летя почти по горизонтали, кололи моё лицо.

– Я вызову АИСТов¹, – сказал Андрей. – Пусть они летят к острову № 7.

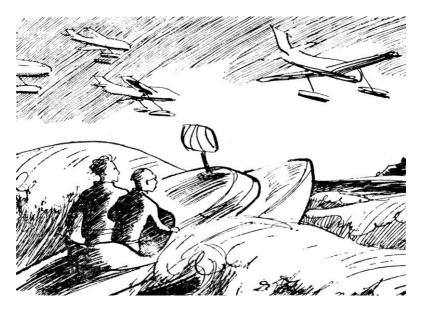
Он вызвал по личному наручному прибору диспетчерскую BCC^2 и дал координаты. Диспетчер немедленно ответил, что АИСТы вылетают на поиски.

Вскоре мы услышали рокот, шедший с неба, он был слышен даже сквозь вой штормового ветра. Потом мы увидали пять АИСТов. Они летели со стороны Ленинграда, это были машины знаменитой Второй Балтийской Эскадрильи ВСС. Они летели, то взмывая в тучи, то снижаясь и почти касаясь крыльями валов. АИСТы напоминали

 $^{^1}$ АИСТ (Аэролёт, Ищущий, Спасающий Тонущих) – очень сильная и манёвренная для того времени машина.

 $^{^{2}}$ BCC — Воздушные Спасательные Силы. Существуют и ныне на базе новой техники.

своими очертаниями «ястребков» из исторических фильмов. Сходство, конечно, чисто внешнее: это были очень современные и манёвренные воздушные машины. Управление на них было сдвоенное – рядом с ЭОЛом сидел пилотчеловек. Если пилот выбывал из строя, ЭОЛ принимал управление. АИСТы иногда гибли, процент опасности у пилотов ВСС был много выше, чем у космонавтов. Но на место каждого погибшего пилота сразу же просились тысячи молодых людей. Личный состав ВСС имел своё знамя и носил одежду, напоминающую форму военных лётчиков XX века.

Когда над нами пролетели и скрылись вдали АИСТы, на душе у меня стало спокойнее. Однако теперь нам самим пришлось туго. Шторм всё усиливался, нас швыряло и мотало, вперёд мы продвигались медленно, мы даже ещё не вышли из фарватера. Неожиданно огромный вал подхватил наш катер и ударил его бортом о фарватерный бакен. Ход замедлился. Вскоре мы почувствовали, что судёнышко дало крен на правый борт.

Я пошёл в кокпит. Там было по колено воды, и в воде плавал мой портфель.

«Пропала моя Антология», – подумал я. Открыв стенной шкафчик, я вынул оттуда два спасательных пояса и вынес их на палубу.

– Я вижу что-то впереди, – неожиданно сказал Андрей.– Кажется, это корабль.

Я стал вглядываться сквозь дождь и брызги пены. Затем разглядел очертания парусного корабля.

– Как будто парусник, – сказал я. – Но что он делает в море в шторм? Все корабли сейчас отстаиваются в гаванях, и парусные тем более.

Мы уже вышли из фарватера и шли открытым морем. Парусник двигался наперерез нам, чёрный корпус его влажно блестел, острый форштевень мощно рассекал волны. Это был большой трёхмачтовый клипер.

Вскоре судно убрало почти все паруса и, замедлив ход, встало с наветренной стороны. Палуба его была безлюдна. Затем на ней показался МАРС¹. Перегнувшись через фальшборт, он спустил штормтрап и крикнул нам:

- Терпящие бедствие, держите сюда!

Заслонённые от ветра громадой парусника, мы подвели катер к его борту и по штормтрапу вскарабкались на палубу. Я успел захватить свой портфель.

- Где КАПИТАН?² обратился к МАРСу Андрей. Я должен видеть КАПИТАНа!
- КАПИТАН стационарен, ответил МАРС. Могу свести к нему. Идёмте.

Шатаясь от качки, мы пошли за механизмом. Он же шагал ровно, будто никакого шторма не было: его тяжё-

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ MAPC (Матрос-Агрегат Регулярной Службы) — несложный, но довольно удачно сконструированный агрегат XXII в. Давно снят с производства.

² Напоминаем читателю: КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный, Превосходно Интеллектуализированный Точный Агрегат Навигации) – старинный агрегат, ныне снятый с производства.

лые ноги с резиновыми присосками на металлических ступнях спокойно ступали по мокрым доскам палубы.

– КАПИТАН здесь, – сказал МАРС, подойдя к рубке и нажав на дверную кнопку. – КАПИТАН ждёт вас. Входите.

Мы вошли в помещение, где мерцали приборы, где какие-то чёрные и синие стрелы двигались по жёлтым квадратам, вдавленным в стену.

- Встаньте лицом ко мне! - сказал КАПИТАН.

Мы повернулись к большому чёрному щиту с круглым глазом-линзой. Голос шёл от него:

- Вижу вас. Вы люди. Докладываю обстановку. Везу груз из Амстердама в Выборг. Попал в шторм. Хочу переждать шторм в море. Боюсь приблизиться к берегу, разбить судно. Увидел вас локационно. Отклонился от курса, чтобы помочь. Есть желания?
- Помогите нам! сказал Андрей и стал объяснять КАПИТАНу, чего он от него хочет. Впервые я слышал, что мой друг так почтительно разговаривает с агрегатом.
- Выслушал. Понял всё. Сложные условия, сказал КАПИТАН. – Ждите решения одну минуту семнадцать секунд.

Наступило молчание. Я вдруг услышал биение своего сердца – до этого я думал, что удары своего сердца слышат только вымышленные герои в плохих романах. А кругом шла таинственная жизнь. Вспыхивали и перемигивались огоньки на приборах, жужжали какие-то аппараты. Металлическая тонкая рука высунулась из стены, завертела чёрный барабан, и из него выпала белая картонная карточка...

– Принял решение, – послышался голос КАПИТАНа. – Меняю курс, иду по указанному вами. Процент опасности – пятьдесят семь, три десятых. Избавьте меня от страха. Отключите реле осторожности.

Внезапно все приборы в капитанской рубке погасли, и только на стене справа от нас засветилось стекло с надписью:

«РЕЛЕ ОСТОРОЖНОСТИ. СТЕКЛО РАЗБИТЬ И ПОВЕРНУТЬ ВЕРНЬЕР ДО КРАСНОЙ ЧЕРТЫ»

Андрей подбежал к стеклу, разбил его и выключил у КАПИТАНа эффект страха. Все приборы в рубке снова засветились.

- Идите на бак для визуального наблюдения, сказал КАПИТАН. – Крепче держитесь за леера.
- А вы найдёте, вы заметите этот островок? спросил Андрей.
- Я вижу дальше вас, ответил КАПИТАН. Всё вижу, всё слышу, всё понимаю.

Сопровождаемые МАРСом, мы с Андреем пошли на бак. Тем временем из отверстий в палубе выдвинулись трубчатые телескопические конструкции, от них ответвились витые змеевидные отростки и потянулись к реям. Клипер оделся парусами, изменил курс и пошёл бейдевинд. Нос его глубоко зарывался в волны, нас обдавало брызгами. Корпус и такелаж вибрировали от напряжения. Андрей смотрел вперёд, не отрывая глаз от моря. С правой руки его на мокрые доски палубы падали капли крови: руку он поранил, разбивая охранительное стекло в рубке.

«Надо бы чем-то продезинфицировать рану», – подумал я и обратился к MAPCy, стоящему возле нас:

- Где у вас тут аптечка? Есть лекарства?
- Груза, о котором вы говорите, на судне нет, ответил МАРС, и я понял, что вопрос мой был нелеп: на корабле, где нет людей, не может быть и лекарств.

Прошло немного времени, и вдали показались очертания островка № 7. Он всё приближался. В сущности, это был просто кусок скалы, торчащий из моря. Над ним вились АИСТы — машины Второй Балтийской Эскадрильи ВСС. Но когда мы ближе подошли к островку, над ним уже никого и ничего не было — машины улетели на свои базы. Только два АИСТа качались на волнах возле берега.

Поперёк островка лежало какое-то сооружение, очевидно, поваленное ветром. Нечто вроде башенки или

вышки. Возле этой упавшей вышки кто-то лежал и кто-то другой стоял на коленях, наклонившись над лежащим. Поодаль, у самой воды, понуро стоял человек в форме пилота.

Клипер убрал паруса и бросил якорь. MAPC спустил шлюпку, и мы с Андреем сели в неё и, преодолевая волны, приблизились к островку. Пилот помог нам выбраться на берег.

- Что с ней? - спросил Андрей.

Пилот ничего не ответил, только повёл глазами в ту сторону, где человек в форме воздушного врача стоял на коленях, склонившись над кем-то. Мы побежали туда.

- Она жива? задыхающимся голосом спросил Андрей. Почему вы не делаете ей искусственное дыхание?
- Она не утонула. Её задело вот тем выступом вышки.
 Смотрите. Врач откинул волосы с виска Нины. Ранка была совсем небольшая, крови почти не было.
- Это произошло мгновенно. Это лёгкая смерть, утешающе сказал врач и чтобы внести окончательную печальную ясность в то, что случилось, он приложил ЭСКУЛАППП ко лбу лежащей.
- Ноль болевых единиц, сказал прибор. Ноль болевых единиц. Смерть наступила двадцать восемь минут две секунды тому назад. Смерть наступила двадцать восемь минут три секунды тому назад. Смерть наступила двадцать восемь минут четыре секунды тому назад...
- Довольно, тронул я врача за плечо. Всё ясно и так...

Мы с врачом отошли в сторону, туда, где стоял пилот, к самой воде. Шторм шёл на убыль, ветер стихал. Корабль терпеливо ждал нас. И вдруг на нём тревожно и жалобно завыла сирена. Потом я увидел, что флаг на грот-мачте тихо пополз вниз и так и остался приспущенным — в знак траура.

«Всё вижу, всё слышу, всё понимаю...» – вспомнил я слова КАПИТАНа.

Через два дня я пришёл в Дом Расставаний, в большой зал, стены которого были облицованы мрамором. Похоронный обряд был прост, длинные надгробные речи давно отошли в прошлое. После краткого прощального слова гроб по стеклянному переходу понесли к Белой Башне на подъёмник – и он вознёсся ввысь.

Ближайшие родственники и друзья, в том числе и я, поднялись на открытую вершину башни, поставили печальный груз в плоскую чашу из тёмного металла и возложили цветы. Затем мы спустились вниз, во двор, мощённый светлым камнем. Откуда-то послышалась тихая грустная музыка, и над Белой Башней взвилось лёгкое облако пепла и тихо спустилось к её подножию, где растут красные и белые ирисы.

Всё было кончено.

Когда Андрей молча, с опущенной головой вышел из Дома Расставаний, я нагнал его и спросил, не нужна ли ему в чём-либо моя помощь.

- Нет, ответил он. Мне уже ничем не поможешь... Я сам послал её на смерть.
- Не говори так, Андрей! воскликнул я. Ты ни в чём не виноват.
- Я сам послал её на смерть, повторил он. Это моя вина.

Он ускорил шаг, и я оставил его и подошёл к Нининой матери, чтобы сказать ей несколько сочувственных слов.

– Этого не случилось бы, если бы она стала вашей женой, – сквозь слёзы сказала Нинина мать. – С вами она прожила бы свой МИДЖ спокойно.

19. Последняя победа

Через день я связался с Андреем по мыслепередаче и был несколько удивлён, что он опять находится на островке моего имени, в своей Главной лаборатории. Мне каза-

лось, что горе, переживаемое им, заставит его прервать работу хоть на короткое время.

- Чем ты занят? спросил я его.
- Сегодня состоится испытание НЕПТУНа, которое было отложено... Приезжай, если хочешь. Начало в два часа дня.

Прибыв на остров своего имени, я направился на Опытное поле, уже знакомое и мне, и вам, мой читатель, и застал здесь большую толпу, любующуюся НЕПТУНом. Но на этот раз она была молчалива – все знали о несчастье, постигшем Андрея.

Перед началом испытаний Андрей усадил меня между собой и лаборантом на сиденье у пульта и нажал какую-то кнопку. Чудище тихо двинулось вперёд, таща нас на своём хвосте.

Вскоре я понял, что НЕПТУН входит в землю. Он входил в неё под очень малым углом, и вначале уклон был почти незаметен. Сперва мы очутились как бы в овраге, а затем агрегат втащил нас в прорытый им же подземный тоннель. На агрегате зажглись лампы, и я увидал круглые стены этого тоннеля, они были как бы облицованы спёкшейся массой, похожей на керамику. От них веяло теплом.

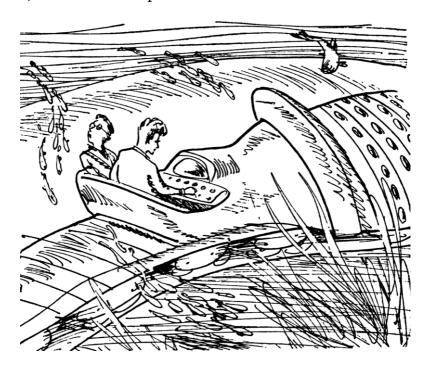
Внезапно ровный гул, издаваемый НЕПТУНом, перешёл в натужливый рёв. Агрегат начал содрогаться, словно встретив какое-то трудноодолимое препятствие.

– НЕПТУН входит в воду, – сказал лаборант.

Вскоре забрезжил неяркий свет – стены тоннеля стали прозрачными. За ними виднелись водоросли. Над головами у нас проплывали стайки рыб. Мы медленно, но неуклонно двигались по дну залива, отделённые от воды тонким слоем прозрачного аквалида, который НЕПТУН выработал из той же самой воды. Ощущение, надо сказать, было странное и даже жутковатое.

– А этот тоннель выдержит давление воды? – спросил я лаборанта.

– Он выдержит любое давление. Его можно проложить хоть по дну Марианской впадины, ничего ему не сделается, – ответил лаборант.

В тоннеле становилось всё темнее: мы шли в глубину. Затем Андрей нажал какую-то кнопку, и НЕПТУН начал медленно поворачивать вправо, описывая широкий полукруг. Снова посветлело, стали видны водоросли. Вскоре мы очутились на том же самом Опытном поле, только на другом его конце. Вслед за НЕПТУНом, вытащившим нас на своём хвосте к дневному свету, из тоннеля начали выходить люди: оказывается, целая толпа шла за нами, совершая подземно-подводную экскурсию.

- Ну вот и всё, сказал Андрей, отходя от пульта НЕП-ТУНа.
 - Что всё? спросил я.
 - Вообще всё.

Я не стал расспрашивать его, что он подразумевает под этим «вообще всё». Его окружили учёные, космонавты, журналисты, и я отошёл в сторону, чтобы не мешать техническим разговорам. Однако слова Андрея показались мне многозначительными, и я решил не упускать его из виду. Когда толпа научных светил, окружавших Андрея, несколько схлынула, я подошёл к нему и сказал, что провожу его до дома, на что он охотно согласился.

- Хочешь, я тебе подарю свой альбом марок? сказал
 он. Я сегодня разбирал вещи...
- Мне не нужен твой альбом, ответил я. Но, если хочешь, я возьму его на хранение. Когда-нибудь ты снова заинтересуешься марками, и я тебе верну его.

Мы вошли в дом. Как неуютно и пусто было в нём теперь!

В это время мы услыхали, что кто-то без стука отворил наружную дверь и вошёл в прихожую. Андрей встрепенулся. Мне показалось, что отражение какой-то безумной надежды блеснуло в его глазах.

Но это явился агрегат, это был ЭРОТ, он прилетел за указанием. Сложив крылья, он стоял в прихожей и ждал.

- С сегодняшнего дня по всем вопросам надо обращаться к Старшему лаборанту или к ЭЗОПу,
 сказал Андрей.
 Я больше здесь не работаю.
- Вполне одобряю твоё решение уехать отсюда, молвил я. Но неужели ты хочешь совсем бросить свою работу?
- Моя работа кончена. Теперь всё пойдёт и без меня, ответил Андрей.
 - А куда ты намерен переехать? поинтересовался я.
- Я буду жить в той избушке. Помнишь избушку в лесу, у озера?..

Вскоре Андрей покинул город и поселился у озера. Об этом кратко сообщила печать, тактично не приводя излишних подробностей. Газеты по-прежнему были полны восхвалений создателю аквалида Андрею Светочеву. В особенности хвалы эти усилились после испытания НЕП-

ТУНа. Сообщалось, в частности, что Комиссия Продления Жизни предложила Андрею три дополнительных МИДЖа (только подумать – триста тридцать лет!), а Комиссия Наименований хочет назвать его именем один из новых городов. Писали о проектах памятника Светочеву, о медалях в его честь... И вдруг в печати появилось знаменитое Письмо Светочева. Хотя я уверен, что читатели знают это письмо наизусть, но для полноты впечатления и дабы не нарушить стройности повествования, приведу здесь его текст:

«В силу известной мне причины не считаю себя вправе жить дольше своего МИДЖа и от продления жизни отказываюсь. Кроме того, прошу не ставить мне памятников ни при жизни, ни после смерти. Прошу не давать моего имени городам, улицам, промышленным предприятиям, кораблям и космическим средствам транспорта. Прошу не упоминать моего имени в печати, если в этом нет крайней необходимости.

С полнейшим уважением Андрей Светочев».

Это письмо Андрея поразило меня. Я знал, что он способен на самые странные и неожиданные поступки, но такого я от него всё-таки не ожидал. Отказаться от трёх МИДЖей! Отказаться от трёхсот тридцати лет добавочной жизни на Земле!..

Не мог я взять в толк, да и сейчас не могу понять и его столь категоричного отказа от памятников, от всего того, чем вполне заслуженно хотело наградить его общество. И до сих пор не могу я уразуметь, зачем он ушёл в это добровольное изгнание, зачем поселился в старой избушке на берегу озера. Знаю: он был в большом горе. Но ведь всякое горе проходит...

20. Завершение

В сентябре я послал Андрею мыслесигнал. Андрей сразу откликнулся.

- Хочу навестить тебя, сказал я.
- Прилетай в любое время, ответил Андрей. Всё?
- Всё. Мыслепередача окончена.

В тот же день я полетел в заповедник. Я высадился из аэролёта на том же самом месте, где мы втроём сошли год с лишним тому назад. Меня охватила грусть. Только подумать, как всё изменилось за это время! Тогда мы шагали здесь втроём...

И погода была не та, что в прошлый приезд. Теперь моросил дождик, лес был затянут туманом. Путь мой был устлан опавшими листьями.

Но вот и жилище Лесничего. Увидав меня в окно, старый Чепьювин вышел на крыльцо и приветливо пригласил в дом. Старик по-прежнему выглядел бодро — смотрел орлом, а не мокрой курицей, как говаривали наши предки. Но, увы, опять от него пахло самогоном.

- Ну, выкладывай, какая нелёгкая тебя сюда занесла? спросил он, усадив меня на старинный диван возле столика с древним электросамоваром. Верно, приятеля навестить решил? Плох твой приятель, плох... Жалко мне его. Не жилец он.
 - Он болен? спросил я.
- Болен бы был это полбеды. Здоров он. Только тоскует сильно. Не проживёт он долго.
- Печаль при потере близкого свойственна каждому человеку, – резонно возразил я. – Но от этого не умирают.
- Кто не помирает, а кто и помирает. Ты, цирлихманирлих, по себе всех не равняй.

Эти его слова показались мне не вполне тактичными, но я не сделал ему замечания, ибо он был гораздо старше меня.

– Ну что ж, я пойду к Андрею, – сказал я.

– Ишь какой прыткий, – улыбнулся Лесничий. – А посошок-то на дорожку? Гляди, мокреть какая, в такую погоду хороший хозяин собаки на улицу не выгонит. Эй, старуха, тащи-ка нам сюда три напёрстка.

Появилась жена старого Чепьювина и поставила на стол три больших стакана и блюдо с закуской. Я приготовился к дальнейшим действиям. Увы, они не заставили себя ждать.

– Ну, хватанём, что ли? – сказал Лесничий, подавая мне стакан. – Выпьем за мою дважды бриллиантовую свадьбу. Через четыре месяца сто пятьдесят лет исполнится, как мы со старухой вместе.

Я подумал про себя, что хоть юбилей такой – дело почтенное, но не рановато ли начинать праздновать это событие за четыре месяца до его календарной даты? Однако к просьбе старого Чепьювина присоединилась и его жена, и из уважения к женщине я вынужден был испить до дна чашу сию. Затем я распростился с почтенными супругами и направился к Андрею.

Идти было невесело. Пробуждались воспоминания о недавнем прошлом. Вот здесь, возле дома Чепьювина, сидела тогда на скамейке Нина, и оленёнок тёрся мордочкой о её колени, а она гладила его по спине... А вот по этой лесной дороге шли мы тогда втроём, и нам светило солнце.

Вскоре мне открылись с холма знакомое озеро, и речка, и памятный мост без перил. Я осторожно перешёл на другой берег по осклизлым от осенней сырости брёвнам и пошёл к избушке. Шагах в пятидесяти от неё я наткнулся на знак одиночества. Он был прибит к ветке сухой ольхи. Но ко мне это не относилось — ведь Андрей сказал, что он будет рад моему посещению.

Войдя в избушку, я увидал, что Андрея в ней нет. Я огляделся. Комната имела жилой вид. У печки лежали дро-

ва¹, кровать была застлана, на полке стояли книги. Меня поразила намеренная бедность всей обстановки — ни одного агрегата, ни одного вспомогательного механизма! Только напротив простого деревянного стола на стене висела электронная метеокарта — такая же, как та, а быть может, и та самая, которую я видел на острове моего имени в рабочей комнате Андрея.

«Зачем Андрей повесил здесь эту карту? – подумал я. – Ведь она ему ежедневно и ежечасно напоминает о том печальном дне...»

Внезапно я вздрогнул от какого-то странного пофыркивания. Оказывается, откуда-то вылез ёж и направился к печке, возле которой на полу стояло блюдце с едой. Ёжик ел, нисколько не боясь меня, – видно, это Андрей приручил его.

Мне стало ещё грустнее. Этот лесной зверёк только подчёркивал то одиночество, в котором жил теперь мой друг. От печальных мыслей меня отвлёк приход Андрея. Он явился в болотных сапогах, в непромокаемом плаще после блуждания по лесу. Он искренне обрадовался моему приходу, а когда я сказал, что у меня теперь есть сын и что мы с Надей решили назвать его Андреем, лицо моего друга оживилось, и он стал похож на прежнего самого себя. Но, увы, недолго длилось это оживление. Беседа наша продолжалась, но я не мог не видеть, что моего друга она интересует всё меньше и меньше. Я чувствовал, что разговаривает он только потому, что не хочет обидеть меня.

- Андрей, спросил я его, зачем у тебя на стене висит эта метеокарта? Хочешь, я отвезу её в город?
- Был день, когда я должен был на неё оглянуться и не оглянулся. Так пусть теперь она всегда будет у меня перед глазами.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ Дрова – продолговатые куски распиленных по горизонтали и расколотых **топором** (см. Энциклопедию) деревьев. В древности употреблялись как топливо.

Я ничего не сказал ему на это: я понимал, что разубеждать его бесполезно. Вскоре я попрощался с Андреем, пожелав ему бодрости и скорого возвращения в Ленинград.

Шли дни и месяцы, а Андрей всё не возвращался в город. Иногда я слал ему мыслеграммы. Он отвечал, но ответы его были односложны. Меж тем настало лето. Приближалась годовщина гибели Нины. За несколько дней до этого печального дня я связался с Андреем по мыслепередаче. На мой вопрос, как он себя чувствует, он ответил:

Плохо.

До этого он никогда ни на что не жаловался, и меня очень встревожил этот ответ.

- Ты болен? спросил я.
- Нет, я здоров, ответил он.
- Может быть, навестить тебя?
- Нет, не надо. На днях я слетаю в город и зайду к тебе.Всё?
 - Всё. Мыслепередача окончена.

Я догадался, что Андрей хочет в день печальной годовщины, согласно обычаю, побывать у подножия Белой Башни.

Но вот настал этот день, а Андрей в Ленинград не явился. Вечером я решил узнать, в чём дело, почему он изменил своё решение – это было так непохоже на него. Я послал ему мыслесигнал, но ответа не получил. А живые всегда отвечают на вызов...

Позже старый Чепьювин, который часто навещал моего друга в его уединении, поведал, что в этот июльский день, войдя в избушку, он увидел Андрея лежащим без движения на полу. Лесничий немедленно вызвал врача по личному наручному прибору. Прибывший врач констатировал смерть от острого приступа сердечной болезни. Старый же Чепьювин нашёл своё медицинское определение случившемуся:

Любовь – не картошка. Тосковал он сильно – вот сердце и надорвал.

Эти слова старого Лесничего до сих пор почему-то очень любят цитировать биографы Светочева, находя какой-то скрытый глубокий смысл в высказывании добродушного, но малообразованного и к тому же часто нетрезвого Чепьювина.

21. Эпилог

Любезный читатель!

Восемьдесят с лишним лет прошло после событий, изложенных в моём повествовании. Мир преобразовывался на моих глазах, он становился всё более непохожим на тот доаквалидный мир, который изображён в этой повести. Человечество полностью освоило просторы своей планеты и смело продвигается в космос. Но в мою задачу не входило сравнивать минувшее с настоящим — ведь о минувшем вы знаете из истории, а настоящие видите своими молодыми глазами, которые зорче моих. Ибо я уже стар, я прожил свой МИДЖ с избытком, и недалёк тот день, когда мой пепел упадёт с вершины Белой Башни на цветы, растущие у её подножия.

Прежде чем закончить свои «Записки» и поставить точку, хочу сказать несколько слов о себе.

Моя жизнь прошла не бесплодно. После Антологии я выпустил немало книг. Не буду перечислять их здесь, ибо каждый культурный человек должен знать эти книги.

Отбросив ложную скромность, напомню благосклонному читателю о моём СОСУДе, который продолжает пополняться. Правда, пополняется он всё медленнее, ибо на Земле совсем не осталось людей, которые знают бранные слова. Старый Чепьювин, у которого я в своё время почерпнул немало крепких словечек и добротных ругательств для своего СОСУДа, ныне, увы, замолчал навеки.

Время от времени я посещаю заповедник и хожу к озеру, где стоит избушка Андрея. Она и снаружи, и внутри имеет точно такой же вид, как и при жизни моего друга.

Но всё это — и сама избушка, и внутренняя её обстановка — сделано из аквалида. Ведь дерево, камень и металл разрушаются, а аквалид вечен. На берегу озера, у обрыва теперь стоит статуя Нины. Статуя очень красива, её выполнил лучший скульптор планеты. Вообще изображения Нины можно встретить всюду, они стоят в каждом городе, в каждом саду. Как известно, Андрей просил не ставить памятников ему, и это завещание свято выполняется. Но, воздвигая статуи Нины, люди как бы косвенно чтят и память Андрея. Скульпторы и художники, желающие изобразить Нину, часто консультируются у меня. Однако, несмотря на консультацию, они изображают её каждый по-своему и обычно красивее, чем она была в жизни.

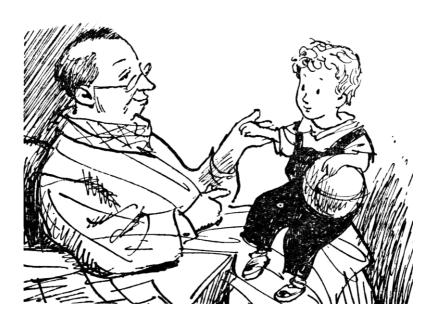
Не так давно я был приглашён в один из новых подводных городов, который решено было назвать Ниниаполисом. Всё в нём из аквалида, а от океана его отделяет прозрачный аквалидный купол.

Вообще аквалид настолько вошёл в жизнь, что многие не представляют, как это прежде человечество существовало без него. Однажды один из моих правнуков, самый младший, подбежал ко мне и спросил:

- Дедушка, а правда, что ты жил ещё тогда, когда все вещи делали из разного? Дома из одного, машины из другого, корабли из третьего, мебель из четвёртого, книги из пятого?
- Да, это правда, ответил я. И первая моя книга была напечатана не на аквалидных пластинах, а на бумаге.
 - А что такое бумага? спросил правнук.

Тогда я вынул из шкафа один из экземпляров Антологии и показал его правнуку. Мне попался экземпляр с дарственной надписью, который так и не был вручён тем, кому он предназначался. От пребывания в воде надпись на заглавном листе расплылась, но слова «Нине и Андрею...» видны были довольно чётко. Мне стало грустно.

- О чём это ты задумался, дедушка? спросил меня правнук.
 - Я вспомнил свою молодость, ответил я.

- Тогда расскажи мне про то, как ты был молодым, попросил правнук.
- Об этом долго рассказывать, ответил я. И потом ты многого не поймёшь и многому не поверишь.
 - Тогда напиши об этом сказку, предложил правнук.
- Я подумаю, сказал я. Может быть, я и напишу об этом. Только напишу я не сказку, а правду. Но эта правда будет как сказка.

2231 г.

Рисунки Е. Щеглова